

ЁШКА

ТАТЬЯНА МАРЧЕНКО

18+

Татьяна Марченко

Ёшка

<https://litres.ru/57096613>

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-03762-5

Аннотация

Ёшка - роман о мистической любви, которая не приходит, но вламывается в сердце, вышибая двери, не спрашивая, лишая воли и разума. Любовь, о которой мечтает каждый или одержимость? Сладкое безумие на двоих или проклятие, цена которому - жизнь? Все и сразу... Все или... ничего? Предсказана ли наша судьба или мы можем выбирать? А как понять, что выбор верный? И можно ли договориться с сердцем? Исторические декорации и мастерски запутанный сюжет. Книга-откровение, от которой вы не сможете оторваться до последней страницы. "Ёшка" - история, которая тронет вашу душу!

Татьяна Марченко

Ёшка

*Не ищи лучшего,
все самое лучшее – рядом с тобой.*

Татьяна Марченко.

ЧАСТЬ

Глава

«Кто я? Что делал на этой земле? Где те, кого я любил? Моя жизнь потеряла значение. Я не знал в чем заключается ее смысл. У меня не было цели. Только сотни вопросов, на которые я не находил ответа. Вы спросите – почему? Я расскажу вам историю своей жизни. Вернее, тех нескольких лет, в которые она пронеслась».

Молодой граф последним возвращался с поля на своем вороном жеребце. Пришпорив его в бока, он спешил по извилистой дорожке, вдоль небольшого озера к дому. Весна выдалась на удивление теплая. Майское солнце почти спряталось за горизонтом, подбирая последние лучи, блестящие на озере. На закате здесь бывает тихо. Вода теплая. Гордые лебеди склоняют длинные шеи и засыпают. Тихо в лесу. Не слышно щебета птиц. На этих землях, принадлежавших графу, все засыпало вместе с солнцем.

Крестьяне уже закончили работу на полях и вернулись, в деревню. Из их домов доносились песни и веселый разговор.

Из девяти деревень, принадлежавших графу, эта находилась неподалеку от самого имения.

Вдруг конь заржал и встал на дыбы. Граф дернул его за поводья и едва удержался в седле. Перед ним, словно выросла из земли, появилась девушка. Сумерки сгущались, в этом вечернем полумраке, лица ее не было видно. Он только сумел разглядеть босую девку, в разорванной белой рубаше, с черными распущенными волосами, свисающими ниже пояса. Протиснувшись сквозь ветви густых кустарников, она выскочила на узкую дорогу и в ту же секунду, наткнувшись на всадника, встала, как вкопанная, не смея сдвинуться с места.

Граф быстро успокоил коня и объехал вокруг девушки, желая рассмотреть ее. Где-то вдали послышался лай собак и крики крестьян. Звуки стали быстро приближаться. На мгновение граф отвел взгляд в сторону леса, откуда доносился шум, а когда посмотрел обратно, ее уже не было. Он быстро огляделся вокруг, не веря в то, что девушка, которая была здесь еще секунду назад, бесследно исчезла.

Собаки вырвались на дорогу. Узнав своего хозяина, стали ластиться. Вслед за собаками выбежали крестьяне, вооруженные кто вилами, кто лопатой, они чуть не набросились на графа, но вовремя рассмотрев его, угомонились.

– Здоровья тебе, батюшка, – произнес кто-то из толпы. Крестьяне сняли перед графом свои шапки и поклонились. Граф осмотрел запыхавшихся мужиков.

– В чем дело?

– Уезжайте отсюда барин, здесь ведьма.

– Да ну, ведьма? – граф не смог сдержать улыбки.

– Ведьма – ведьма. Живет где-то в лесу. Вернулась опять

в края наши.

Крестьяне были напуганы, но в то же время полны решимости найти и расправиться с ней.

– Почему вы ее гоните?

– От нее только беды. Поймать бы ее, да узнать, кто такая.

Да хитра плутовка, тайные тропы знает, ушла, – ответил седовласый мужичок.

– Поговаривают, она ворует детей, – добавил кто-то из толпы.

– Что-то я не слышал ни об одном случае, – ответил граф,

– расходитесь по домам!

Он повернул могучего коня в сторону имения, прищиприл его и пустив на галоп, умчал по дороге. Приехав к большому дому, он быстро спешился. Его уже ждал конюх. Он забрал жеребца и отвел его в стойло, а граф вбежал вверх по ступенькам и вошел в дом.

Граф, Иван Владимирович Долгов, был весьма молод. Высокий, статный, широк в плечах. С небрежно собранными светло-русыми волосами. Смуглый от того, что часто находился под открытым солнцем. Походка, при которой он поднимал голову и смотрел немного сверху вниз, говорила об уверенности в себе. Всегда веселый, с азартным блеском в глазах, наполненных счастьем и любовью к жизни и свободе.

Широкая улыбка делала его лицо невероятно привлекательным, а сквозь сильные черты лица можно было увидеть настоящую искренность и доброту. С такой внешностью он легко мог бы стать любимцем императорского двора. Но граф, хоть и любил балы и выход в свет, жить предпочел в уединении, в своем огромном имении, славившимся невероятной красотой и величием садов. К тому же он никогда не желал жить при дворе. Обязательства титула тяготили его. Свобода – вот что ему было по-настоящему дорого.

Иван наспех снял с себя сапоги, с которых гроздьями свисала налипшая земля с полей, и молодая горничная тут же их унесла. Граф прошагал через огромную гостиную с резными колоннами и камином, в котором тлели угли. Он прошел на террасу, выходящую на задний двор, который плавно переходил в прекрасный сад.

Порыв ветра дунул ему в лицо и распахнул расстегнутую до половины груди рубашу. Граф осмотрелся. Еще раз вдохнул свежего воздуха, наполненного запахом цветущих бутонов множества цветов. Испытывая приятное волнение, он улыбнулся и произнес:

– Запах лета!

Осмотрев все еще раз, Иван вернулся в гостиную. Из боковой двери вышел дворецкий.

– Будете ужинать дома, ваше сиятельство?

– Конечно!

– Ваша ванна готова.

– Благодарю.

Над большой каменной ванной, итальянские мастера трудились несколько месяцев. А когда она была готова, граф по достоинству оценил их работу. Каждый день до ужина он любил отдыхать, лежа в теплой воде. После долгого рабочего дня ему, как и простым крестьянам, хотелось как следует отдохнуть. В комнате горели несколько больших свечей, а влажный воздух источал аромат запаренных в деревянной кадке березовых веников.

Дверь в комнату тихо приоткрылась и в нее скользнула девушка. Подойдя к хозяину сзади, она скинула с себя сарафан.

– Зачем пришла? – не открывая глаз, спросил Иван.

– Только не гони, – прошептала девушка и быстро перелезла через стенку ванны.

Она осторожно опустилась в воду. Иван открыл глаза, окинул ее обнаженную грудь томным взглядом и отвернулся.

– Я помню дни, когда ты звал меня, – дрожащим голосом произнесла девушка.

Ей было страшно быть незваной гостьей, но несмотря на это, уходить она не собиралась. Девушка медленно приблизилась к графу и села поверх его коленей. Она прижалась к нему всем телом и стала быстро и страстно целовать его шею и грудь. Иван тяжело вздохнул, закинул голову и закрыл глаза.

Через некоторое время девушка стояла у зеркала и рас-

чесывала свои черные волосы чуть ниже плеч. Иван надел штаны, потом рубаху и повернулся к ней.

– Сегодня это было в последний раз, Наташа, – голос его был тих и по обыкновению спокоен.

– Прoshлый раз тоже был последний, – усмехнулась девушка.

Она хоть и могла говорить с графом не официально, но строгости и наказания его все же боялась. Потому что знала, он слов на ветер не бросал.

– Я надеюсь, что скоро приедут мои родители. Я не хочу, чтобы ты мешалась тут. Ослушаешься меня – сошлю в дальнее имение.

– Шутишь? – она испуганно вскочила со стула и подалась вперед.

– Отныне – ваше сиятельство! – Иван был холоден, – подай мне крест, на зеркале висит, – приказал он и ждал, что Наташа, как всегда, будет перечить ему, но на этот раз она поняла, что он настроен серьезно.

Иван так ждал приезда своих родителей и так тщательно готовился к этому событию, что в этот момент был способен на любые поступки. Девушка покорно поднесла нательный серебряный крест и помогла его надеть.

– А когда твои родители уедут, мне можно будет вернуться? – прошептала она, а потом быстро присела в поклоне и добавила, – ваше сиятельство.

Глава II

Этим вечером, за ужином, Иван был задумчив. Это было не свойственное для него настроение. Обычно, он находил для себя занятия. Мог устроить танцевальный вечер, где собиралась вся многочисленная прислуга поместья. Или сидел в своем кабинете за накопившейся работой, вместе с управляющим. А больше всего, он любил бывать в деревне. Именно там он чувствовал себя свободно и непринужденно. Но этим вечером, ему ничего не хотелось делать.

Столовая, в которой сидел Иван, была просторная и светлая. Стены украшали тканые обои с вензелями и огромные картины. Дверные и оконные проемы были оформлены не менее богато. По обыкновению дворянского дома, задрапированы тремя парами занавесей, начиная от легких прозрачных, затем более плотной и кончая тяжелыми шторами из бархата и парчи. Таких комнат, включая кабинет и многочисленные спальни, в имении было много.

Но особенно красивой являлась все же гостиная, где Иван встречал гостей, проводил встречи и находился большую часть времени. Высокие расписные потолки украшала сияющая люстра и множество декоративных подсвечников. Мебель привезена специально из Франции. Эту залу наполняли изысканные вещи, так тонко передающие прекрасный вкус его хозяина. Особое значение в ней имел камин из черного мрамора, который топили до поздней весны. Дрова в нем тихо потрескивали, и все это величественное пространство окутывалось теплом и в доме создавался уют.

Часто, для графа играл оркестр, который состоял из крепостных, обученных музыке по его желанию. Иногда после ужина Иван садился в гостиной у камина. Читал или просто смотрел на стремящиеся вверх язычки пламени, слушал треск сгорающих дров. Сегодня он грустил. Незаметно для себя, погрузившись в мысли, он вспомнил незнакомку, так неожиданно появившуюся у него на пути. Иван закрыл глаза. Он думал, что если еще раз представит ее перед собой, то непременно вспомнит ее лицо. Но как он ни старался, у него не получалось.

– Ваше сиятельство, вам еще что-нибудь нужно? – робко переминаясь с ноги на ногу, тихо спросила девушка в строгом платье горничной.

– Нет, – ответил Иван, – можешь идти, Алена.

Граф обращался к своим слугам по именам. И хоть это и был дурной тон, менять свои привычки он не собирался.

Очень миниатюрная и даже худенькая девушка с аккуратно собранными светло-русыми волосами и добрым выражением лица покорно поклонилась, но не ушла.

– Что-то еще? – не поворачиваясь, спросил Иван.

– Простите меня, ваше сиятельство, – виновато произнесла она и прошла в комнату.

Иван отставил бокал вина, встал и повернулся к Алене. Ее вид его немного встревожил.

– Что случилось?

– Мой младший брат болен, – Алена опустила глаза, нерв-

но теребила кончик накрахмаленного фартука, – его нужно отвести к лекарю. Позвольте мне завтра с утра отлучиться ненадолго?

– Алена, посмотри на меня, – Иван был добр к ней и это отразилось в его интонации.

Девушка несмело кинула беглый взгляд на графа, и тут же опустила глаза.

– Я ведь никогда не отказывал тебе!?! Завтра можешь не выходить на работу, – продолжил Иван видя, что Алене неловко обращаться к нему.

– Но мадам Марин...

– Я сам объявлю ей о принятом решении, – ответил Иван, – твоему брату сейчас нужен присмотр. Проведи завтрашний день с ним и ему станет легче, вот увидишь.

В такой чрезмерной заботе о своих крестьянах Иван не видел ничего странного. Он мог помочь прислуге понести поднос, снимал грязные сапоги у дверей, дабы не прибавлять работу горничной и всегда был прост и вежлив в общении. Он старался быть ближе к своим крестьянам, хотел быть с ними на равных и всегда жалел о том, что его аристократическое происхождение не дает ему полностью освободиться от обязательств своего титула.

– Благодарю вас, ваше сиятельство, – шепнула девушка, и робко склонилась в поклоне.

– Впредь, если тебе будет нужна помощь, незамедлительно обращайся ко мне. И возьми вот это, – Иван достал из

кармана штанов несколько серебряных монет и вложил их в маленькую ладонь Алены.

– Ой, нет, нет, – забеспокоилась девушка, – если мадам Марин узнает, она лишит меня жалования за месяц...

– Я граф! Всегда по-моему будет!

Его сильный и приятный голос, звучал уверенно и властно. Он внушал доверие и успокаивал.

Девушка присела в поклоне и прошептала:

– Благодарствую, ваше сиятельство.

– Спрячь, – посоветовал Иван, кивнув на деньги.

Алена торопливо завернула монетки в белый платочек и спрятала под фартуком.

– Я буду молиться за вас.

– Ступай.

Читать и пить вино уже не хотелось. Он оставил то и другое и пошел спать. Иван прошел к широкой лестнице с резными перилами. Она приглашала на второй этаж, где и была опочивальня холостяка. Поднявшись, он вошел в свою спальню и не стал зажигать свет, а сразу прошел к окну и распахнул его. В комнату ворвался ветер и принес вечернюю свежесть весны и запах цветущего сада. Иван задернул занавески, желая спрятаться от лунного света и зажег свечу.

Усталое разделся, откинул одежду на пол. Затем подошел к небольшому распятию в углу комнаты и, опустившись на одно колено, перекрестился и поцеловал крест. Быстро поднявшись на ноги, он сдернул с волос ленту, и почти с разбега

прыгнул на кровать, утонул в ее мягких перинах, и больше не сделав ни одного движения, уснул лицом вниз.

Глава III

Утром следующего дня, в спальню графа вошла худощавая женщина с суровым выражением лица. Ее черное платье с до блеска накрахмаленным белым воротничком и идеально зачесанные волосы придавали ей еще более строгий вид. Нахмутив брови, она прошагала солдатской походкой прямо к окну и отдернула шторы. Свет слепил глаза и Иван зажмурился.

– Доброе утро, – монотонно произнесла мадам Марин.

– Уже?

Иван лениво перевернулся.

– Крестьяне уже вышли в поле.

– На то они и крестьяне.

Мадам Марин исправно вела хозяйство в доме графа и за это Иван не обращал внимание на ее строгий нрав. Так как граф не был женат, мадам было предоставлено больше полномочий, чем простой экономке. Она считала себя хозяйкой и от этого остальной прислуге в доме приходилось нелегко. Забывшись, она могла позволить себе лишнее и в отношениях с графом, но Иван никому не позволял указывать ему. Любое действие рассматривалось, как посягательство на его свободу, а для него это было святое.

Мадам Марин присела, склонив голову в мимолетном поклоне, и вышла из комнаты. Иван наконец-то сумел открыть

глаза и потянуться.

Солнце уже наполнило утро теплом. Спустившись к завтраку в отличном настроении, он увидел на столе букет полевых цветов. Иван любил запах свежей травы и из всех цветов свое предпочтение отдавал именно полевым.

– Можно подавать кофий? – спросила Наташа.

– Подавай, – ответил Иван, – кто принес цветы?

– Я.

Иван промолчал. Забота Наташи всегда была чрезмерной и не всегда нужной ему.

– Сегодня я отпустил Алену на весь день, – объявил Иван.

И хотя он не повернулся, все понимали, что эти слова предназначались именно стоящей немного позади мадам Марин. Иногда она следила за тем, как молодая прислуга обслуживала графа.

– В ней нет ничего святого, – вдруг заявила мадам.

– От чего же? – удивился Иван.

– Молиться ходит в церковь, а лечиться – к ведьме, – экономка была довольна тем, что донесла на свою подчиненную. Мадам Марин имела французские корни, но уже много лет жила в России. Христианство давно стало для нее религией близкой ее душе.

После этих слов в глазах у Ивана почему-то возникла вчерашнее происшествие. Перед ним стояла босая девушка, но как он ни старался разглядеть ее лицо, его не было видно. Это секундное видение прошло, оставив странный осадок.

– К какой ведьме? – спросил Иван.

– Где-то в лесу живет старуха. Ей пошел второй век, но говорят, что она победила старость, – в этот момент из изысканно-манерной дамы мадам Марин, превратилась в сельскую сплетницу, – Церковь давно преследует ее. Она настоящая колдунья. Ходить к ней, значит идти против церкви...

– Хватит, – перебил Иван, – бред какой-то. Ведьма, колдунья. Похоже, здесь все одержимы этими разговорами, – из головы графа не выходила та молодая девушка. Незаметно для себя он порадовался тому, что ведьма – старуха, а он видел высокую и на вид стройную девушку.

Иван встал из-за стола, вытер губы салфеткой и недовольно отшвырнул ее на стул. В этот момент мадам Марин поняла, что опять влезла не в свое дело, стыдливо опустила голову и покорно присела в поклоне.

– Буду к ужину, – сказал Иван, и вышел из столовой.

– Храни его Бог, – произнесла мадам ему вслед, но взглянув на Наташу, тут же сдвинула брови и приняла привычный суровый вид.

– Ну, что встала? – прикрикнула она, – живо убирай со стола.

Последние майские дни были особенно теплыми. Работа шла полным ходом, крестьяне трудились в поле, честно зарабатывали свой хлеб, получали от графа сполна и были вполне довольны своим хозяином. В то время как сам он, наоборот, вырослел и чувствовал, что ему чего-то не хватает.

Однажды за обедом, сидя в поле под повозкой, Иван весело разговаривал с крестьянами, пил с ними теплое молоко, ел ржаной хлеб, как вдруг его взгляд остановился на играющих неподалеку детях. Иван задумался. Дети резвились, бегали друг за другом, смеялись. Молодая, заботливая мать забрала самого маленького из них и принесла к повозке. Она налила ему теплого молока. К ней подсел ее муж. Даже со стороны смотреть на них было приятно. Их полная семья на вид была счастлива.

В этот вечер после ужина, Иван сидел возле камина в своей гостиной и просматривал альбом с семейными фотографиями: родители, два старших брата, две младшие сестры. Им овладевали грустные воспоминания. Прошло семь лет, как Иван ушел из родительского дома в Петербурге. Учеба за границей сильно изменила его. Поначалу он гулял и тратил большие суммы в светских развлечениях. Тем и вызвал гнев отца по отношению к себе. Его отец ждал, что сын образумится и попросит у него прощения и помощи, но после возвращения в Россию, Иван решительно отказался от материальной поддержки семьи. С тех пор он постоянно переписывался с матерью, но встретиться с родными ему не позволял отец.

– Вам письмо, ваше сиятельство, – сказала Алена, войдя в гостиную.

Она осмелилась принести письмо графу, вместо дворцового для того, чтобы остаться с ним наедине и поблагода-

ритель. Алена поставила небольшой серебряный поднос на маленький столик и поклонилась.

– Ты уже вернулась? Как твой брат? – спросил Иван, не отвлекаясь от альбома.

– Благодарствую, ваше сиятельство. Ему уже лучше. Деньги пришли очень кстати, – робко поблагодарила Алена.

– От кого письмо? – Иван наконец-то отложил альбом, и взял конверт. Взглянув на подпись, он замер на мгновение, а потом поспешно вскрыл конверт.

– Я могу идти?

– Да, да, – отмахнулся он, вчитываясь.

«Приветствую вас, дорогой моему сердцу граф! Мы имели возможность получить от вас письмо. Признаться, рады за ваше доброе здравие. Однако, ваш папенька по-прежнему не желает принимать вашего благополучия, но, после долгих раздумий, проявил свое благосклонство к вам. От того стал согласен вас посетить. На следующей неделе, к нам прибудет семья наших давних знакомых, из Польши. Они хотят посетить Москву. Мы имеем надежды на то, что вы не воспротивитесь воле вашего папеньки и примите нас и наших гостей у себя».

– Воспротивиться воли?! Да я только «за»! – Иван был очень рад. Он быстро дочитал письмо, – отец принял приглашение! Принял! Он увидит, что его сын стал достойным носить титул графа и его фамилию! Он увидит! – кричал Иван, торопливо проходя весь путь от гостиной до своей спальни.

Утро следующего дня встретило его солнцем. Едва открыв глаза, Иван поймал себя на мысли о том, что он опять думает о той босой девушке с распущенными волосами. Ему даже казалось, что она снилась ему. Иван не мог понять, что это – сон или все-таки мысли, одолевающие его с первых минут его пробуждения.

Он умылся, привел себя в порядок и направился в церковь, которую построил для своих крестьян.

В воскресное утро здесь были все от мала до велика. Крестьяне, завидев графа, кланялись ему и крестились.

Иван вошел в церковь и тут же поп громко запел:

– Храни Господь, великого добродетели нашего, графа Иоанна Владимировича.

Иван поставил свечку и дождался конца службы. Когда церковь опустела, к нему подошел седовласый поп.

– Здравствуй, отче! – сказал Иван и перекрестился, – благослови.

Отец Сергей перекрестил Ивана и поднес к губам крест.

– Благослови, Боже!

– Хочу совета твоего спросить, – начал Иван.

– Говори, барин, чем тревожен?

– Недавно, возвращаясь домой, на дороге я встретил женщину. Крестьяне говорят, что она ведьма, – ответил Иван.

Отец Сергей потупил глаза, не знал, что ответить, но встревожился.

– Кто такая? Чего на дороге путалась?

– Не знаю ее. Вроде, не из крестьян.

– Да ты ж, кормилец, своих крестьян всех в чало знаешь!?

– Ее – нет. Темнело, – ответил Иван. Каждый раз, вспоминая ту девушку, он так четко представлял ее себе, что, казалось, если он протянет свою руку, то дотронется до нее, – Еще не ночь, но уже и не день. Вечерние сумерки сгущались каждую минуту. Не смог лица ее рассмотреть.

– Может, привиделось что? – Сергей перекрестился.

– За ней гнали собак, она убегала, – продолжил Иван, – я даже не понял, откуда она появилась. Она как будто выросла из земли, прямо перед моим конем.

– Ух, нечистая! Молись, сын мой, и сатана сгинет.

– Я не могу, – ответил Иван, – мысли о ней не оставляют меня. Не могу забыть ее черных глаз.

Сергей растерянно пожал плечами.

– Ты ж, барин, сказал, темно было, чало не разглядел?! Как же сумел глаза запомнить?

Иван немного помолчал. Он словно вернулся в то мгновение, когда она оказалась перед ним.

– Я их почувствовал. Если бы увидел их днем, – Иван выдержал паузу, тяжело вздохнул и добавил, – сошел бы с ума.

Глава IV

Прошло две недели. Иван приготовил имение к приезду родителей. В это особенное утро, он был счастлив и весел. Еще до рассвета карета ждала его у крыльца, но он все не появлялся.

Полный, но расторопный, не в меру суетливый камердинер Мирон помог графу надеть сюртук.

– Алена, – крикнул Иван, – поторопись!

Перебирая в руках пару золотых запонок, девушка выбежала из гардеробной.

– Помоги мне, – вытянув руки вперед, попросил Иван.

Мирон кинулся помочь, но он отмахнулся и повернулся к Алене. Пожилой мужчина с кучерявой головой откланялся и вышел из комнаты.

– Не волнуйтесь, ваше сиятельство. Вы успеете.

Она ловко застегнула запонки. Поправила воротнички на рубашке и праздничном сюртуке. Бегло осмотрев хозяина, сделала несколько привычных движений, доводя внешность графа до совершенства.

– Ну, вот и все, – сказала она и смиренно согнула колени в привычном поклоне, а после сделала шаг назад.

Иван повернулся к зеркалу и осмотрел себя с головы до ног. Довольно улыбнувшись, снова повернулся к Алене и, ухватив ее за пояс, легким движением приподнял ее в верх.

– И что бы я без тебя делал!?

Из уст графа, эти слова звучали, как самая высшая похвала. Алена тихо ахнула и, залившись стыдливым румянцем, склонилась в поклоне. Иван поспешно спустился по лестнице и, не найдя в гостиной никого из прислуги, громко крикнул:

– Мадам Марин, все должно быть безупречно!

– Все готово, – отозвавшись на крик, поспешила доложить мадам, но он ее уже не слышал.

– Поторопись, – прикрикнул Иван, усаживаясь в экипаж. Кучер тряхнул вожжи.

– Хэй, пошла! Пошла!

Вслед за ним тронулся второй экипаж, для гостей. Иван был на станции задолго до прибытия поезда из Петербурга. В ожидании он прохаживался по перрону взад-вперед, все время посматривая на привокзальные часы.

В дали раздался протяжный гудок и к станции прибыл долгожданный поезд. Молодой граф, одетый в праздничную одежду, с титульной лентой через плечо, в важном цилиндре с широкими полями, привлекал взгляды проходящих мимо дам. Он вежливо улыбался, приподнимал кончик шляпы и слегка наклонял голову в знак своего почтения.

Ему сулили далекое будущее при дворе, но гордый и свободолюбивый Иван предпочел трудный, но все же свой путь. Жертвуя семьей, ее положением, своим положением, властью и деньгами, предназначенными ему по наследству, он все же выбрал свою свободу.

Поезд остановился. Двери вагонов открылись и люди стали спешно заполнять перрон. На встречу Ивану повалила толпа. Вокруг него засуетились люди. Носильщики и лакеи спешили переносить багаж своих господ к их повозкам. Иван заволновался. Он бегал глазами по перрону, искал знакомые лица, но в шуме и столпотворении никого не находил. Это

тревожило его еще больше. Он оглядывался по сторонам и неожиданно его взгляд остановился на даме. Она была так изысканно одета, что Иван не сразу понял, что ее черное платье – траурное.

Граф остановил взгляд на темно-каштановых волосах, и на тонкой полупрозрачной вуали. Эта прекрасная дама, приближалась, и в этот момент он перестал слышать шум вокзальной суеты, все вокруг словно остановилось, он видел только эту женщину, плывущую на встречу. Легкий порыв ветра распахнул ее одежду, и приподняв с лица вуаль, оголил декольте. Иван увидел тонкую шею, пышную грудь и белоснежную кожу. Она была уже близко, когда он все же нашел в себе силы отвести взгляд от ее изящных форм и посмотреть на лицо. Их взгляды встретились, мгновение, и дама прошла мимо, оставив головокружительный шлейф сладковатого аромата духов. Ивану показалось, в этой тишине он слышал ее дыхание. Это было каким-то страстным наваждением. Он оглянулся, но суетливая толпа уже укрыла от него этот сон, и он мог видеть только изредка мелькающую шляпку. Вслед за дамой проследовала ее служанка и лакеи с багажом, но вскоре и их скрыла суета перрона.

Иван не мог заставить себя оторваться от ее следа, он все еще провожал ее горячим взглядом и так бы и остался смотреть в ее сторону, если бы его не окликнул знакомый голос.

– Иван!

Граф резко вдохнул через нос и прикрыл глаза. Сердце

забилось, как бешеное. Он быстро оглянулся и увидел свою мать. Маленькую, немного полноватую женщину, очень веселую и живую, такую же, как и семь лет назад.

– Мама, – произнес Иван, и бросился ей на встречу. Быстро приблизившись, он остановился на миг и взглянул в улыбающееся лицо графини, словно спрашивая разрешения обнять ее. Елизавета Петровна протянула руки навстречу сыну. Иван крепко обнял мать и, прижимая к себе, приподнял ее, оторвав от земли.

– Что ты делаешь, сынок! – рассмеялась она, – дай хоть взглянуть на тебя. Ты стал совсем взрослым, настоящий мужчина. Если бы не мое материнское сердце, я бы никогда не узнала в этом красивом мужчине своего сына.

На глазах графини навернулись слезы, сквозь которые она радушно улыбалась.

– А по-моему, ты узнала его по титульной ленте.

Иван узнал голос старшего брата, Андрея. Он оглянулся и, посмотрев друг на друга, они крепко обнялись.

– А меня не обнимешь? – сказал средний брат, после Андрея, Николай.

– Николай, брат, – произнес растроганный Иван и обнял его, – а где же мои сестры?

– Мы здесь! – послышался нежный голос за спиной Ивана.

– Боже мой! Анна, Катерина, как же вы выросли!

– Тебя тоже не узнать, – ответила Анна.

Иван крепко обнял обеих сестер. Но тут он вспомнил о

самом главном.

– А где же отец? – спросил он.

– Он дает распоряжение на счет багажа наших гостей из Польши. Анастасии Павловны Банинских и ее дочери. Мы ехали в разных вагонах, – ответила графиня – сынок, прошло столько времени, я надеюсь, что вы с отцом... – графиня волновалась.

– Все в порядке мама. Я не держу на него зла, а раз он здесь, значит, и он на меня тоже.

Иван поспешил успокоить свою мать несмотря на то, что сам не был ни в чем уверен.

– А вот и она, – произнес Николай.

Иван оглянулся. Из дверей вагона появилась маленькая хрупкая рука в белых перчатках. Он подошел поближе и взглянул вверх. С лестнице, словно ангел с небес, спускалась еще совсем юная девушка, в светло-бежевом платье, которое подчеркивало ее женственность и красоту, чего не мог не заметить приткый взгляд Ивана. Он даже не старался скрыть своего восторга и стоял у подножки вагона с полуоткрытым ртом и изумленным взглядом, полным восхищения. Немного придя в себя, он наконец-то подал руку, склоняясь в приветственном поклоне и помог ей спуститься на перрон.

– Анастасия Павловна? – спросил Иван.

В ответ девушка опустила глаза и немного краснея, улыбнулась.

– Это ее дочь, княжна Данта Александровна, – представил

Николай.

– Данта?! Какое необыкновенное имя, – все еще не выпуская хрупкой руки девушки, искренне восхитился Иван.

Он склонился над ее тонким запястьем и, подняв коварные глаза на лицо девушки, заметил, что смущает ее. Но даже несмотря на это, продолжал жадно поедать ее взглядом, от которого Данте хотелось бежать.

– А это Анастасия Павловна Банинских, – желая освободить бедную девушку из плена своего сына, произнесла мать Ивана.

– Наслышана о вас, – подавая руку, сказала Анастасия Павловна.

– Надеюсь, не только плохого? – улыбнувшись, ответил Иван.

Он поцеловал руку княгини и снова взглянул на Данту, подумав о том, что мог бы смотреть на нее вечно. Все рассмеялись, оценив его шутку.

– Только хорошего! – ответила Анастасия Павловна, – иначе я бы не приехала сюда. К тому же, обладатель такой искренней улыбки просто не мог не очаровать меня!

Иван понял, что подруга мамы – добрая женщина. Других у нее просто не могло быть. Все весело смеялись, разговаривали и осматривали друг друга. От радости долгожданной встречи Иван просто парил в небесах. Но вдруг смех прекратился и все посмотрели за спину Ивана. Он понял, в чем дело, и медленно повернулся.

Перед Иваном стоял пожилой мужчина шестидесяти трех лет. Высокий, худощавый, статный граф с важно расправленными плечами и руками, скрещенными за спиной. Иван заметил, что отец поседел, отпустил пышные усы. Но черты лица оставались все теми же, строгими и даже немного грубыми. Иван знал, что раньше отец не был так серьезен. Свою роль сыграл его титул, его ответственность и обязанность перед двором, в котором он состоял на службе.

– Здравствуйте, папа, – не решительно произнес Иван, и робко поклонился ему.

– Не ожидал увидеть тебя таким, – не скрывая приятно-го удивления, произнес Владимир Кириллович, – ты сильно изменился. Последний раз я видел мальчишку, ловко ухаживающего за придворными дамами, – граф улыбнулся.

Молоденькая княжна, дочь Анастасии Павловны с любопытством слушала их разговор, но даже ее прозорливый взгляд не смутил истинного обольстителя женщин.

– Я изменился, – ответил Иван. Его глаза блестели, красивая улыбка сделала его еще более привлекательным в этот момент. Он хитро взглянул на Данту и добавил, – но дам стал любить еще больше.

– Иван!?! – возмутилась Елизавета Петровна.

Все весело рассмеялись. Отец и сын пожали друг другу руки и крепко обнялись. За его плечом, Иван встретился взглядом с Дантой и сразу понял, что его влечет к этой молодой особе. Таких чувств он не испытывал раньше и хотел, чтобы

это было взаимно.

Глава V

Дорога от железнодорожной станции, до поместья была примерно в полудне езды. Ивану хотелось, чтобы это время прошло не заметно для гостей, поэтому, всю дорогу он развлекал их интересными рассказами об истории этих мест. Выдумывал легенды, потом признавался в этом, чем очень веселил гостей.

Он не скрывал своего интереса к молодой княжне. Воспользовавшись тем, что ее мать и его родители ехали в другом экипаже, Иван смело рассматривал фигуру Данты, ее белую кожу, персиковый румянец на щеках, пухлые губы, невероятно синие глаза, обрамленные в черные, как смоль, густые ресницы. Он видел, что девушку это смущает. Она сидела, не поднимая глаз, и прикрывалась веером. А он все не переставал восхищаться силой природы, создавшей такую красоту, которой он не мог насытиться.

– Когда начнется ваше поместье, скажите мне, – попросила Данта, и опять скромно отвела глаза.

– Мы уже четверть часа, как едем по моему поместью, – ответил Иван.

– Это все твои земли? – удивился Андрей.

– Эти края богаты плодородной землей, лесами. Здесь прекрасные зеленые долины. В нескольких километрах к востоку от моего поместья, есть красивая река. Я обещаю вам прогулку на лошадях в те места. Сейчас за поворотом будет

озеро, потом деревня, а далее мое имение, – продолжал рассказывать Иван.

Кареты быстро промчались вдоль полей, где, распевая песни, работали крестьяне. Завидев графа, они отвлеклись от работы и громко и радостно приветствовали его.

– Не может быть, – удивился Андрей, – чтобы крестьяне так приветствовали своего хозяина.

– Ты им что, уже вольные выдал? Или, наоборот, прибегаешь к методу «розги»? – Усмехнулся Николай.

Все три девушки, особенно юная Данта, обратили свои взоры на Ивана в ожидании ответа.

– «Метод розги»? – притворно удивился Иван, – как это?

В этот момент он подумал о том, что даже время не изменило его братьев. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, он перевел взгляд в окно и вдруг увидел бегущего вдоль лесной полосы, человека. Иван стал всматриваться и увидел, что этот человек был одет в белую, мешковатую рубаху, явно не по размеру.

– Крестьянин? – спросила Данта.

Он понял, что и Данта смотрит на беглеца, но затруднялся ответить.

– Наверное.

Началось озеро, беглец остановился на поляне по другую его сторону, и только тогда Иван увидел, что это девушка. Он сразу заметил, что она похожа на ту, что появилась перед ним той ночью. Он вновь всматривался в ее лицо, но их

экипаж мчался слишком быстро и Иван опять не сумел рассмотреть ее. Он погрузился в неизвестное ему ранее состоянии. Та незнакомка заняла все его мысли. На несколько минут, он словно окунулся в сон. И лишь то, что и Данта тоже видела ее, заставляло его поверить в эту реальность.

– Кто эта девушка? – вдруг спросила Данта, пока братья и сестры Ивана о чем-то оживленно беседовали и громко смеялись.

– Что? – быстро переспросил он, повернувшись к Данте.

– Я просто спросила, кто эта девушка? – чувствуя вину за свое любопытство, переспросила Данта, и уже больше не смела поднять глаз.

Иван снова посмотрел на озеро.

– Она? – уточнил он, но увидел, что там уже никого не было.

Иван забегал глазами, растерянно ища беглянку. Никого не найдя, он повернулся к Данте. Она была так невинна и прекрасна, что наваждение отступило в тот же миг. Он желал просто любоваться ее юностью, ее красотой, находя в ней каждый раз что-то еще более прекрасное.

Глава VI

В это время в соседнее поместье прибыл экипаж. Из него вышла грациозная дама в траурном платье. Она осмотрела свой дом, улыбнулась и уверенно прошла к парадной двери, у которой ее приветствовал дворецкий.

В гостиной, еще на половину обставленной новой мебе-

лю, суетились горничные. Одни снимали чехлы с многочисленных диванов, другие расставляли их. Молодые служанки натирали полы, стены, камин до блеска. В залу внесли картину с изображенной на ней обнаженной женщиной.

– Она прекрасна! – произнесла только что прибывшая хозяйка дома. Она еще не успела снять перчатки и шляпку, и уже давала некоторые распоряжения, прежде чем отправиться отдыхать.

– Где прикажите ее повесить? – спросила служанка.

Виктория повернулась и подняла с лица вуаль.

– В мою спальню!

– Гости съезжаются, – доложил дворецкий, – Управляющий размещает их в гостевом доме. К вечернему торжеству все готово!

– Прекрасно! Позже я поприветствую всех.

Ей было тридцать три, но красоты, стати, гордости было столько, будто ее копили веками. Обладательница открытых карих глаз, которые она хитро и в то же время кокетливо прищуривала, свела с ума не одного мужчину, прежде чем старый герцог дал ей свою фамилию и титул. Едва покинув французский пансион, Виктория была сосватана высокопоставленному герцогу, Люку Бопре. В какие-то моменты ей приходилось нелегко среди французского двора, но всего за несколько лет, Виктории удалось стать одной из самых влиятельных дам общества. Такая школа сделала ее сильной и властной. Когда старый герцог неожиданно скончался, в его

смерти было много загадок. Общество осуждало Викторию и ее неожиданно появившегося друга, который не отходил от нее ни на шаг. После не долгих раздумий, Виктория приняла решение на время вернуться в Россию и поселиться в своем подмосковном имении, которое она унаследовала от своего отца.

Граф Кольшев, отец Виктории, имел фамильное ремесло – фабрику по пошиву шуб. Пожалуй, он был одним из не многих, кто не скупал земли, не имел крепостных, но был знатным и богатым дворянином, благодаря делу, которое он продолжал после дедов и отца. Пушнину доставляли из Сибири, шубы, пошитые на его фабрике, имели хорошую славу. Не редко его мастера выполняли заказ для придворных дам императорского дома. Граф Кольшев надеялся, что Виктория, его единственная дочь, продолжит семейное дело, но она рано вышла замуж, к тому же жить осталась в Париже.

После смерти отца, Виктория продала фабрику, но расстаться с фамильным имением, с домом, где прошло ее детство, не решилась. Некоторое время дом пустовал, но теперь Виктория собиралась вдохнуть в него вторую жизнь.

Герцогине Виктории Бопре многие завидовали, обвиняли в том, что она имеет власть над мужчинами, потому что ни один из них не смог устоять перед ней. Она славилась своей неприступностью. Виктория была той роковой женщиной, из-за которой случались дуэли. После смерти мужа, у ее светлости, было много поклонников, которые искали ее бла-

госклонности и желали объявить ее своей законной супругой. Но герцогиня всех отвергла.

– Виктория, я приказала распаковать твой багаж, – сообщила ей молодая девушка, которая была настолько близка к своей хозяйке, что могла обращаться к ней, почти на равных.

Люси, следовала за Викторией повсюду, знала все ее секреты, всех ее мужчин. Она была хорошей помощницей, и герцогиня любила и ценила ее. Девушка двадцати восьми лет, высокая, стройная, с черными волосами нередко, вопреки всем приличиям, просто распущенными, с быстрыми глазками-пуговками, хитро прищуренными, часто с едва уловимой улыбкой на губах. Она суетливо бегала по дому, в меру своих обязанностей желая все знать и держать хозяйку в курсе всех дел.

– Спасибо, Люси, – поблагодарила Виктория, – еще несколько картин повесьте на эту стену, – приказала она.

– Гости все прибывают, – доложила Люси, осмотрев через окно передний двор.

– У нас сегодня вся ночь впереди. Я никому не позволю спать!

Виктория улыбалась и пребывала в прекрасном настроении. Она соскучилась по размаху русских приемов. Приготовления к этому вечеру в имени шли задолго до ее прибытия. Оказавшись на месте, она была довольна тем, как управляющий справлялся в ее отсутствие, и потому не торопилась к гостям.

Глава VII

Солнце уже шло на спад. Было далеко за полдень. Крестьяне закончили работу. В это время деревня была почти пуста. Только молодые женщины и их дети хлопотали по дому в ожидании своих мужей.

Управившись с делами, Наташа скинула с себя рабочий фартук, наспех расчесала волосы и почти бегом поспешила из своей комнаты к выходу на задний двор. В дверях, она чуть не столкнулась с преградившей ей дорогу мадам Марин.

– Куда это ты собралась?

– Я хочу на них посмотреть, – ответила Наташа и хотела пройти, но мадам Марин вновь не пропустила ее.

– Тебе не положено. Забыла, что его сиятельство сказали? Сошлет тебя в дальнее имение.

Эти слова не могли не обидеть ее, она боялась наказания графа, но ничего не могла с собой поделать.

– Тебе-то что? – чуть не плача проговорила Наташа. Она упорно шагнула вперед, толкнула мадам Марин в плечо и выскочила в дверь.

– Да я за тебя переживаю, – с сожалением проговорила мадам, – глупенькая, не нужна ты ему...

Подхватив подол длинного платья, Наташа, что есть силы, бросилась бежать через двор. Ей так не терпелось увидеть гостей, которые приедут, что долго не думая она направилась к лесу, который начинался сразу за имением, и вскоре скрылась в нем.

Никита, кучерявый, кареглазый, крепкий парень, с сильными закаленными от работы руками. Как только он снимал рубаху, чтобы искупаться под струей прохладной воды в жаркий полдень, девушки в деревне засматривались на него, ему это нравилось. Он работал у Ивана со дня его приезда в эти края. Наташу он любил по-настоящему, ходил за ней по пятам, звал замуж. Но легкомысленная, она твердила, что любит графа и женой станет только ему. Никита понимал, что граф его первый и единственный соперник. Как бы он себя ни ругал, заставить себя полюбить своего барина не мог. Даже в поле, когда Иван появлялся в белой рубахе, расстегнутой на половину, на своем буйном жеребце, все деревенские девушки невольно переводили свой взгляд на молодого графа. Никита знал, что та, которую он любит всем сердцем, любит барина, для которого все женщины – увлечение. И Наташа – просто одно из них. Он знал, что их связь продолжается почти с первых дней появления графа в поместье. Но сделать ничего не мог и просто продолжал преследовать ее, ловил каждый момент, чтобы побыть с ней наедине и жил такими моментами уже несколько лет.

Увидев, что Наташа скрылась в лесу, он вскочил на неоседланного коня и помчался за ней. Девушка спешно и упорно пробиралась по лесной чащи, и даже не заметила, как к ней подъехал Никита. Он выскочил на нее так внезапно, что девушка, вскинув руки, отскочила назад, оступилась и упала на спину.

Никита усмехнулся и быстро спешился. Коня направил в сторону конюшен, ударив его по спине, зная, что он вернется в свое стойло. Он подошел к Наташе и подал ей руку. Она наивно взялась за нее и хотела встать, но Никита вновь повалил ее на спину и набросился на нее, как кот на маленькую мышь, с таким же жадным и непреодолимым желанием.

– Ты, пусти, пусти, – закричала Наташа.

– Куда это ты так спешишь? Встречать своего хозяина? – пытаюсь ее усмирить, кричал Никита.

– Не твое дело!

Наташа понимала, что все равно не справиться с сильными руками и напористым характером Никиты и перестала сопротивляться. Наступило перемирие и они посмотрели друг другу в глаза.

– Какая же ты красивая, – прошептал Никита и хотел поцеловать ее, но она отвернулась и снова зашевелилась под грузом его тела, пытаюсь столкнуть с себя.

– Не трогай меня. Иди щупать деревенских девок.

– А ты-то сама, откуда будешь? Думаешь, если в барскую постель забралась, то и барыней стала? Дура! Ты для него как была деревенской девкой, так ею и останешься.

Эти слова ранили и без того несчастную девушку, ей хотелось, чтобы Никита замолчал, но заставить его она была не в силах. В отчаянии она высвободила свою руку и что есть силы, ударила его по лицу. Эта пощечина сразу усмирила его пыл. Никита еще несколько секунд смотрел на Наташу, но

потом отпустил ее и перевернулся на спину. Он лег на траву рядом с ней и подложил под голову руку. Наташа поднялась на ноги и стала одергивать платье и отряхивать себя.

– Вся в траве. Скажут, с кем кувыркалась, – обиженно, еле сдерживая слезы, проговорила она.

– Скажи, что со мной, – ответил Никита.

– Не дождешься!

– Дождусь, – уверенно ответил он, – вот посмотришь, дождусь.

В это время на дороге послышался стук подков. Наташа быстро оглянулась и замерла.

– Что там? – спросил Никита и быстро вскочил на ноги.

– Из-за тебя я все пропустила.

– Ты же хозяйская девка. Увидишь еще.

– А ты конюх несчастный.

– Не конюх. А управляющий, – ответил Никита.

– А какая разница? – прошипела Наташа, – От тебя и вохнет конюшней!

Она откинула волосы с плеч и поспешила в сторону дома. Никита досадно улыбнулся.

– Посмотрим еще, посмотрим...

Глава VIII

– Добро пожаловать в мой дом!

Иван подал руку молодой княжне и она встала на подножку. Имея явную власть над этим хрупким созданием, он играючи демонстрировал это каждую минуту. Воспользовав-

шись очередным моментом суеты и вразрез всем приличиям, Иван нежно обнял Данту за талию и, прижав, к себе спустил с подножки. Данта смутилась, опустила глаза и хотела вырваться из рук Ивана, но он еще сильнее стиснул их и крепче прижал ее к себе.

– Что вы делаете? – шепнула Данта, еле осмелившись взглянуть на него.

– Я никогда не держал в своих руках ничего более прекрасного, – ответил Иван. Он наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза, – Не смог отказать себе в этом.

И хотя это звучало эгоистично и безнравственно, из его уст эти слова слышались, как искренние желание, от которого у Данты кружилась голова. Сделав еще несколько рывков, она уже была готова лишиться чувств. Сжалившись, Иван все же отпустил ее, но прежде дал ощутить всю силу своих объятий. Он нарочно, медленно спускал руки вниз по ее тончайшей талии, провел руками по пышной юбке и вдруг, демонстративно отвернувшись от девушки, ушел к приближающейся второй карете.

Юная Данта, только что вышедшая из пансиона благородных девиц во Франции, никогда не знавшая не только рук и ласки мужчин, но и просто их внимания, еще несколько секунд не могла прийти в себя.

– Данта, что с тобой? – подойдя к ней, спросила Екатерина, – ты будто бледна.

– Все в порядке. Просто голова закружилась.

– Это от чувств. Здесь так прекрасно! – весело проговорила Екатерина, – пойдем, мне не терпится поскорее посмотреть на дом.

Она подхватила Данту под руку и повела в дом.

– Подождите меня, – крикнула им в след Анна.

Второй экипаж подъехал к парадному входу.

– Прошу вас, – произнес Иван, подавая руку Анастасии Павловне.

– Благодарю.

– Господа, прошу вас в дом, – пригласил Иван.

К этому времени к гостям подоспел Никита. Он бегло осмотрел гостей, сразу заметил трех молодых девиц и усмехнулся, глядя на то, как счастлив Иван. Он помог извозчикам справиться с лошадьми и повел их в конюшню.

У входа в дом, гостей встречали дворецкий, мадам Марин и Алена. Они почтено поклонились гостям.

– Распорядитесь, чтобы вещи разнесли по комнатам, – приказал при входе Иван.

– Слушаюсь ваше сиятельство, – ответил дворецкий и поклонившись последовал за гостями.

– Мама, Папа, – обратился Иван к родителям, – вам покажут ваши покои. Мы встретимся за ужином.

Он несколько раз щелкнул пальцами в знак того, чтобы именно дворецкий сделал это, и тот поспешил проводить гостей. Иван с невообразимым спокойствием раздавал приказы и старался выразить свое почтение каждому. Он совсем

не волновался, только старался ничего не упустить, и вскоре все приказы были отданы и исполнены, и гостиная опустела.

В каждой комнате, особенно молодых дам, суета только начиналась. Слуги распаковывали багаж и выполняли их поручения.

Иван вышел в малую гостиную, поднялся по главной лестнице и на втором этаже, где расположилось большинство гостей, подошел к одной из дверей. Эту комнату он распорядился приготовить для родителей. Иван не решался войти и несколько секунд топтался у дверей, как тот шестнадцатилетний подросток, всегда боявшийся входить в родительскую спальню.

Но сегодня все было иначе. Иван был уже не юноша и его положение, и гордость за это самое положение, переполняли его. И ему хотелось поделиться этим с родителями. Он постучал в дверь.

– Войдите, – ответила Елизавета Петровна.

Иван вошел в комнату.

– Ванечка, – прошептала она, – и подойдя к нему крепко обняла.

– Я скучал по вам, мама, – прошептал он.

– Я тоже скучала по тебе сынок. Все эти годы я очень сильно скучала по тебе. Дай я тебя рассмотрю.

Иван отпустил из своих крепких рук мать и, привычно расправив плечи, встал перед ней в полный рост.

– Какой же ты стал красивый, взрослый. Ты превратился

в настоящего мужчину. А ведь тебе всего двадцать три!

– А вы совсем не изменились. У вас все те же ласковые руки, – Иван взял мать за руки и поцеловал их.

– Ну почему ты был так горд и непокорен отцу? Сколько времени мы потеряли, сынок, – со слезами на глазах проговорила Елизавета Петровна.

Она дотронулась до лица Ивана своими ладонями.

– Теперь тебя не узнать. Такой серьезный, самостоятельный. И это ты! Тот проказник – мальчишка, делающий все наперекор отцу. Тот юнец, не пропускавший ни одной юбки. Мой сын! Иван!

– Я изменился. Я стал другим. Таким, как вы хотели бы меня видеть, таким, чтобы не запятнать честь Долговых.

– Я горжусь тобой!

– Я думал твое имение много меньше, – войдя с балкона, признался Владимир Кириллович.

– Меньше – это не для меня, – гордо ответил Иван, но тут же улыбнулся.

Они встретились глазами и смотрели друг на друга несколько секунд, не зная, что сказать. Иван, стоял с гордо поднятой головой, но все его движения и мимика выражали почтение отцу.

– Я скучал по вам, папа.

– Да, много времени прошло. Мы все больше в столице и Европе, а ты все здесь, в своей глуши.

– Зимой я выезжаю в свет. До Москвы тут рукой подать,

у меня получается часто бывать там. К тому же я устраиваю приемы у себя. Мои друзья любят здесь гостить. Иногда, они живут здесь по нескольку недель.

– Имеешь на то средства? – спросил отец, – не сомневаюсь.

– Спасибо, что не отказались приехать, папа. Для меня очень важно...

– Благодарю Лизавету Петровну.

– Владимир Кириллович, – остановила его мать, – но как же? Мы не могли не приехать.

Иван немного огорчился, но не смел показать этого.

– Ну что же, отдохайте. Вы, верно, утомились с дороги. Встретимся за ужином.

Он посмотрел на мать, потом перевел взгляд на отца и, вытянувшись, кивнул головой, и вышел из комнаты. Иван быстро спустился на первый этаж и прошел на кухню. Дворецкий зазвонил в колокольчик и вся прислуга, находившаяся в комнате, отложили свои дела и приготовились слушать.

– Сегодня на ужин... что-нибудь... необыкновенное, – без особой радости произнес Иван.

– Слушаюсь, – присев в поклоне, ответила мадам Марин, – уже все готово. Велите накрывать?

– Чуть позже. Гости располагаются в комнатах.

Наташа выслушала приказ хозяина, не сводя с него глаз, а после еле сумела заставить себя выйти. Иван сел на кухне за большой деревянный стол и попросил бокал вина. Алена тут

же налила ему из хрустального графина и, поклонившись, хотела уйти.

– Как твой брат, Алена? – спросил Иван.

– Благодарствую, ваше сиятельство! Он уже поправился. Скоро вернется в церковную школу.

– Это хорошо, – Иван говорил медленно, спокойно и даже слишком спокойно. Он казался нездоровым. Выпив вина, весь бокал залпом, он опустил голову, уперся лбом в руку и тяжело вздохнул.

– Вам не хорошо, ваше сиятельство?

– Я не знаю, – тихо, не поднимая головы, ответил Иван.

– Что-то встревожило вас сегодня, ваше сиятельство? – желая хоть как-то помочь, прошептала Алена.

Иван поднял голову.

– Нет, это появилось раньше. Что-то другое.

– Может я могу вам чем-нибудь помочь? – робко предложила Алена, и немного наклонившись над ухом Ивана, тихо произнесла, – я знаю одну лекаршу...

– Нет! – вдруг вскрикнул Иван.

Все помощники по кухне в раз оглянулись.

– Нет, – тише ответил Иван. Он встал со стула, – спасибо за вино.

– Простите, – виновато прошептала Алена.

Иван прошел в гостиную, потом на террасу, выходящую на задний двор, розарий и прекрасные сады. Мысли нахлынули и он задумался.

«Что-то меняется во мне, быстро, стремительно. Я стал бояться одиночества. Что происходит? У меня есть все: деньги, власть, положение, женщины. Моя жизнь наполнена всем, чего я желал. Свободой, о которой я так мечтал, красотой мест, в которых я живу. Я молод и богат. До сих пор я был доволен, но теперь я не нахожу смысла в такой жизни. Для чего все это? Для кого, если мне одному хватило бы маленького домика на берегу моего озера? Для кого я живу? Ведь если я умру, кроме матери, меня никому будет оплакивать. Почему, имея все, сам я так пуст!? Почему трачу свою жизнь на светских гуляньях, ищу утешение в вине? Ведь знаю, что это все не мое. Я хочу чего-то другого. Но чего? Не понимаю, что творится в душе. Что мне нужно?»

Глава IX

В кабинет, в котором работал Иван, постучалась Алена.

– Ваше сиятельство.

Иван отложил бумаги и перо.

– Да.

– Мне было велено передать вам, что к ужину уже все собрались, – поклонившись, произнесла Алена.

– Благодарю. Я сейчас буду.

Иван сложил листы бумаги, в которых делал записи. Он часто бывал в своем большом, отделанном красным дубом кабинете. Здесь он проводил много времени еще и потому, что ему не с кем было разговаривать о том, что по-настоя-

щему волновало его.

Войдя в столовую, где за длинным столом рассаживались гости, он сразу отыскал Данту. Отметив для себя, что она прекрасна, Иван продолжал смотреть на нее еще несколько секунд, пока Данта не подняла на него глаза.

– Ну, где же ты пропадаешь, сынок? Мы тебя заждались, – радушно встретила его Елизавета Петровна.

– Я задержался в своем кабинете. Делал кое-какие записи. Накопились некоторые дела по земле, – ответил Иван.

– Да, управлять таким именем не просто, – протянул Николай.

– Мы с княжной любовались закатом, – произнесла Анна, посмотрев на Данту.

– Вам понравилось? – тут же спросил Иван, глядя прямо на княжну.

– Да, – робко ответила она, – в Петербурге такого не увидишь.

– Ничего необыкновенного, – вступил в разговор Николай.

– Соглашусь, – поддержал Андрей.

– Иван Владимирович, у вас такой большой дом, вам не скучно одному? – с детским любопытством произнесла Екатерина.

– Когда у тебя столько денег, и ты хозяин всего этого, нетрудно найти себе развлечения, – рассмеявшись, ответил Николай вместо Ивана. Иван улыбнулся, но не стал скры-

вать, что ему не понравилось то, как о нем думал его брат.

– Катерина, сестренка моя! Мы с тобой так долго не виделись, но я все равно всегда помнил и любил тебя, – начал говорить Иван, он сразу вызвал интерес, и все стихли, – но сколько бы времени ни прошло, ты все равно не должна относиться ко мне так официально. Мне было бы приятно, если бы мы все могли обращаться друг к другу, как прежде. Когда мы жили одной большой семьей. Господа, предлагаю тост – за нашу большую семью! – Иван поднял бокал.

– За семью! – подняв бокалы, произнесли все хором.

Иван сделал глоток вина и отставил бокал. От поддержки семьи на душе стало немного легче. Но в памяти все равно всплыли детские ссоры и склоки с братьями. Вспомнилось, как они еще маленькие, не брали брата в игры, отбирали у него игрушки, зачастую, просто давали подзатыльник. Становясь старше, менялись и игры. Почему-то неприязнь двух братьев к Ивану росла, и ему доставалось, все больше и больше. Так он научился защищать себя. С возрастом его кулак становился тяжелее и сильнее, а его язык и мысли все острее и хитрее. Желая сделать из него плаксивого и трусливого мальчишку, братья не заметили, как воспитали в нем зверя. Зверь спал и это был Иван в обычной жизни, но стоило братьям вернуться в детство, зверь просыпался, и Иван начинал отчаянно защищаться. Но он был слишком мал, к тому же, всегда оказывался один против двух своих братьев. Николая и Андрэ, как принято их было называть, часто подшучива-

ли над ним. В детстве, он был мал ростом, худенький, белобрысый мальчуган, совсем неприметной внешности, красоту которого видела только мать. Но однажды он исчез из их жизни. Что они испытывали при этом, Иван не знал. Эта мысль не оставляла его в покое. Он часто думал о братьях, но ничего хорошего вспомнить не мог. Только младшие сестры были единственным его утешением, но они тогда были еще слишком малы. Его мать, была полностью посвящена карьере мужа. Отец желал, чтобы Иван служил. А Иван с самого детства мечтал о свободе где-нибудь подальше от столицы. Перед ним поставили выбор: служить или уехать в далекую Францию учиться в университете. Выбор был очевиден. Едва справив свое пятнадцатилетие, Иван уехал в Париж. А дальше, веселая светская жизнь, балы, куражные француженки и карты, в которые Ивану так везло. Он быстро этим пресытился и понял, что хочет домой. И потому сделал все, чтобы у него был свой дом. Это было не легко, но несмотря на все трудности, ему такая жизнь и вкус свободы чертовски нравился. Это шокировало все семейство. Мать разрывалась от слез и была безутешна, но отец твердо решил, что такого позора их семья не заслуживает, и именно в тот момент в их отношениях произошел раскол. Раскол, который тянулся много лет. Иван обещал, что скоро разбогатеет, и его семья будет не стыдиться своего родства с ним, а наоборот – гордиться этим! Это «скоро» все же наступило, но только через семь долгих лет, и если тогда его мать падала в обморок,

каждый раз перечитывая письма сына, то сейчас она глазам не верила, что этот красивый мужчина, высокий и статный, закаленный работой и самой жизнью – ее сын!

Между тем стол заполнился угощениями. Иван умел удивлять и с удовольствием сделал это еще раз. Всю столовую заполнил насыщенный запах еды, и гости принялись за ужин.

– Кстати, я собираюсь дать большой прием в честь вашего приезда, – произнес Иван, – папа, мама, вы не против?

– Почему мы должны быть против? – пожав плечами, ответил отец, уже увлеченный вкусами.

– Конечно, сынок, – ответила Елизавета Петровна, – к тому же нам будет интересно познакомиться с твоими друзьями.

Анна и Катерина, а также Данта очень обрадовались тому, что скучать им точно не придется.

– А вы, Анастасия Павловна? – почтительно спросил Иван.

– О, мой мальчик, – смеясь, ответила она, – когда-то я могла протанцевать всю ночь напролет. Сейчас же я не могу продержаться и «Мазурки», но балы все равно люблю.

Все рассмеялись. Данта немного смутилась, но тоже улыбалась.

– Тогда пообещайте, непременно танцевать со мной, – не растерявшись, пригласил Иван.

– Конечно, – ответила Анастасия Павловна, – в таких надежных руках я готова вспомнить свою молодость.

– Вы, моя милочка, по-прежнему неугомонны, – заметил Владимир Кириллович.

Пока все смеялись, Николай немного наклонился в сторону Ивана и произнес:

– Ты делаешь правильный ход.

Он перекинул взгляд на Данту. Иван не стал отвечать. Он просто хотел, чтобы первый вечер после долгой разлуки с семьей, прошел хорошо.

Иван без устали развлекал своих гостей. Его можно было заслушаться. Он рассказывал разные истории, все смеялись, даже молодые девушки иногда забывались и хохотали от души. Потом Иван переходил на что-то познавательное, но в итоге все равно хотел, чтобы этот веселый смех заполнил сегодня каждый уголок его огромного дома. Ведь он так долго этого ждал!

После ужина Иван пригласил всех в летнюю беседку посередине прекрасного сада. Там для гостей играл личный театр графа Долгова.

– Это прекрасно! – восклицала Елизавета Петровна, не переставая аплодировать.

– Иметь такой театр – недешевое удовольствие, – произнес Андрей.

– К счастью, могу себе позволить, – ответил Иван.

Гости наслаждались представлением. Но для хозяина, это было обидно. Чем-то новым для него была та, с которой он не мог свести глаз. Иван потихоньку подсел немного позади

Данты и замер, не желая потревожить ее. Он не переставал восхищаться ее грациозностью. Еще раз отметил для себя, что пленен ее юностью. Иван немного наклонился над ухом Данты. Тихим рывком вдохнул через нос ее неповторимый запах и закрыл от удовольствия глаза. Этот запах, не духов и прочего парфюма, а именно ее запах, запах ее тела, показался Ивану таким вкусным. Он открыл глаза и спросил на французском:

– Вам понравилось?

Данта не ожидала, что Иван сидит прямо за ней, и потому вздрогнула.

– Да, – ответила она на выдохе.

– Я рад, что сумел доставить вам удовольствие, – произнес Иван и отсел от нее так же тихо, как и приблизился.

От переполняющего волнения Данта закрыла глаза. Его голос был так приятен, его дыхание у самого ее уха, вызывало дрожь по всему телу. Данта разомкнула пересохшие губы и открыла глаза только тогда, когда поняла, что Иван от нее отсел.

Вечер закончился. Немного утомленные, отец и мать Ивана, а также Анастасия Павловна, разошлись по свои комнатам. Пожелав друг другу доброй ночи, Иван отправил спать сестер, но отпустить просто так Данту, он не мог.

Княжна уже отправилась вслед за подругами, но Иван поймал ее за руку и подтянул к себе. Стоя в коридоре перед дверями в свои комнаты, держа в руках подсвечники, Кате-

рина и Анна хихикнули, когда увидели, что Иван задержал Данту.

– Доброй ночи, – пожелал Иван, поцеловав ее руку.

Данта смущенно присела в легком поклоне. Робко отдернула дрожащую руку с влажной ладошкой и, поторопившись вслед за подругами, быстро догнала их и скрылась за дверью своей спальни.

– Ты еще не идешь спать? – спросил Андрей у Ивана. Он застал его на лестнице.

– Ложишься поздно, встаешь рано, – продолжил Николай, следуя за старшим братом.

– Я привык, – ответил Иван, и улыбнулся.

– Я что-то тоже еще не хочу спать. Может, ты позволишь мне посидеть с тобой? – спросил Николай.

– А мне? – поддержал брата, Андрей, – мы столько лет не виделись, думаю нам будет о чем поговорить.

Ивану эта затея не понравилась, но отказывать братьям в общении он не стал.

– Конечно. Выпьем вина.

Все трое спустились в главную гостиную и сели в мягкие кресла у камина.

– Уже тепло. Зачем ты до сих пор топишь камин? – спросил Николай.

– Весна в этом году хоть и ранняя, теплая, но по вечерам становится прохладно. К тому же камин согревает не только тело, но и душу, – ответил Иван.

В гостиную вошла Алена. Она принесла три бокала и большой хрустальный графин, наполненный до верха. Оставив поднос на столике, она поклонилась.

– Я могу идти, ваше сиятельство?

Николай быстро осмотрел Алену.

– Тебе прислуживает девушка? – усмехнулся он.

– Это моя личная камеристка, – ответил Иван, – когда в моем доме появится «ее сиятельство», я передам Алену ей.

– Я видел твоего камердинера, – рассмеялся Андрей, – должен признаться, что я бы тоже предпочел, чтобы меня обхаживала молоденькая девица, а не тот толстоватый дедок.

– Алена помогает мне только в личных поручениях, – ответил Иван, еще раз подчеркнув значимость этой молодой и невероятно доброй девушки у него в доме, – с остальным не плохо справляется Мирон.

– У тебя хорошенькие служанки, – произнес Николай.

Андрей поддержал брата смехом.

– Спишь с ней? – продолжал Николай.

– Иди, – улыбнувшись, Иван обратился к Алене и сам подал бокалы с вином братьям.

– Слушаюсь, – быстро поклонившись, ответила Алена и хотела уже уйти.

– Прикажи ей прийти сегодня ночью ко мне, – продолжал Николай, крепко ухватив ее за руку, когда Алена проходила мимо него. При этом, он даже не взглянул на ее испуганное лицо.

– Ваше сиятельство, Иван Владимирович, – чуть не плача, произнесла Алена, – прошу вас.

Иван сделал глоток вина и улыбнувшись дал понять Николаю, что даже не принимает всерьез его слова.

– Пусть девушка уйдет, – произнес он медленно и даже лениво для того, чтобы Николай понял, что его поступок, по меньшей мере глуп и не заслуживает его внимания.

– Николя, ты слышал, Иван просит, – сказал Андрей.

Николай поднял глаза на девушку, дрожащую от страха, и медлил еще. Потом, понимая, что пауза немного затянулась, он отпустил руку Алены, но сделал это в одолжение. Иван ничего не ответил, прекрасно понимая, что брат делает это специально, чтобы проверить, насколько он вырос и повзрослел.

– Иди, – приказал Иван, – сегодня ты мне больше не нужна.

Алена быстро поклонилась и, еле сдерживая слезы, поспешила выйти из гостиной.

– Ты – знатный дворянин. Держи себя равно своему титулу, – Иван отставил свой бокал с вином и оставался спокойным и сдержанным.

– Когда это ты стал их защитником? – усмехнулся Николай.

– Алена вольная! – с удовольствием в голосе объявил Иван. Николай и Андрей переглянулись.

– Что? – переспросил Николай.

– Вольная, как и почти вся деревня, что находится рядом с моим имением, – продолжал Иван, – а впрочем, как уже половина моего уезда!

– Ты шутишь? – удивился Андрей.

– Нет. Я серьезен. Я хочу, чтобы вы уважали меня и мои решения. Девушка вольная, поэтому, не нужно ее не к чему принуждать.

От удивления Николай и Андрей не знали, что сказать. Пауза длилась несколько секунд.

– Николая прав, – наконец-то произнес Андрей, – ты ведь и сам был не прочь пощупать своих служанок.

– Это было давно – согласился Иван, – некоторые из наших служанок становились нашими первыми женщинами. Но ни одна из них не была, – Иван выдержал секундную паузу, – принуждена к этому.

Николай и Андрей снова переглянулись и поняли, что Иван сильно изменился. Они оба стали чувствовать его превосходство.

– Но ведь было, – усмехнулся Николай, – сколько тебе тогда было? Двенадцать, пятнадцать? – с глупым выражением лица произнес он, желая разрядить обстановку.

– Ладно, хватит, – остановил их Андрей, он чувствовал себя неловко, – расскажи лучше, как ты тут живешь?

Иван так же желал прекратить этот пустой разговор.

– Неплохо, – ответил он.

– Неплохо?! – возмутился Николай.

– Ну, ладно. Хорошо!

– Настолько хорошо, что опережаешь события, раздавая вольные? – не успокаивался Николай.

– Вольные – это дело времени. Ведь если посмотреть, все к этому идет. Суть императорского указа в том, чтобы создать условия, при которых мы, помещики смогли бы освободить своих крестьян, наделяя их землей. Не все крестьяне могут вот так взять и выкупить их. Им просто нужно помочь.

– Дворяне разделилась во мнениях по этому поводу, – заметил Андрей, – вижу, ты поддержал Императора. Но следовало бы подумать о последствиях.

– Тебе не стоит так тревожиться, ведь делается это не безвозмездно, а за выкуп. Зачастую непосильный. А потому, к массовому освобождению крестьян это не приведет. Когда-то мне так сильно понравились эти места, что я решил создать здесь свое уездное село. Я скупил земли вместе с деревнями и приказал объявить о сдаче этих земель в аренду, дав крестьянам хоть еще и не вольную, но уже самостоятельную жизнь. Это их шанс заработать на собственный земельный удел.

– Поэтому они так радостно пашут в поле от зари до зари, – усмехнулся Андрей, – умно! Крестьяне охотнее будут обрабатывать, по сути, твои земли, если будут знать, что когда-нибудь они станут их.

– И поэтому тоже, – улыбнулся Иван.

Политические взгляды братьев разнились так сильно, что

ни Андрей, ни Николай не сдерживали своих эмоций.

– Что ж, может, ты и прав, в том, что к массовому высвобождению это не приведет, но нельзя упускать того, что крестьяне всё больше и больше начали показывать свое недовольство властью, – вспыхнул Андрей.

– От того, что власть годами не может решить крестьянский вопрос, – по-прежнему спокойно ответил Иван.

Он откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и взял свой бокал вина. Сделав несколько глотков, улыбнулся. Разговор с братьями забавлял его.

– Ты не доволен государственной политикой его Императорского Величества? – удивился Николай.

– Отнюдь. Государство сделало все чтобы крестьяне могли выкупить вольные у помещиков. Но от того, что мужчины, выкупившие землю, подлежали обязательному набору в армию, многие не сильно стремятся к собственной свободе. Не стоит вам так волноваться о скорых переменах в ваших барских владениях. Мы по рождению дворяне, ими навсегда и останемся. Как бы ни менялась жизнь принадлежавших нам крестьян.

Иван хитро улыбнулся. Его выражение лица вводило братьев в заблуждение. То они были уверены, что он разбрасывается вольными, то понимали, что Иван не делает ничего просто так. К тому же его любовь к власти и полному повиновению ему, не заставляла их усомниться в этом.

Оба брата уже успели понять, что несмотря на доброду-

шие и такое снисходительное отношение к своим крестьянам, Иван был далеко не прост. Судя по тому, как был налажен его быт, в каком смирении прибывали его крепостные, их брат создавал впечатление человека властного и любящего порядок. Не терпящего действий против его воли.

– Что ж, – предчувствуя вкус проигрыша, произнес Андрей, – Я вижу, ты одинок в своих убеждениях, от того желаю прекратить этот спор.

– То ли еще будет, Андрэ, – улыбнулся Иван, – мои убеждения поддерживают крепостные, а это – основная масса нашего общества. Государство предприняло попытки наделить крестьян правами и предоставить им землю. А теперь решать нам, кому и на каких условиях мы готовы это сделать.

– А ты не так прост, как казался, – улыбувшись, произнес Николай, – но я хочу, чтобы ты знал, что я твоих взглядов не разделяю. Как и вся наша семья.

Иван так же хотел уже прекратить эти разговоры, в которых он не нашел понимания братьев.

– Наверное, пора заводить свою, – отшутился Иван, и улыбнулся.

– А как же твоя любовь к свободе? Несмотря ни на что, ты по-прежнему любишь ее больше всего. – Сказал Николай. Он отставил бокал с вином, встал с кресла и вышел на террасу.

– Любишь и дорожишь ею, – добавил Андрей.

– Да! – твердо ответил Иван, – свобода для меня имеет

большое значение. Я люблю свою свободу и действительно дорожу ею. Но в последнее время все чаще задумываюсь о том, что будучи не один, я одинок. Возможно, мне действительно пора жениться.

– И что, есть кто-нибудь на примете? – спросил с террасы Николай.

– Да, – ответил Иван, – есть!

Глава X

Дом погрузился в темноту и тишину. После того, как Иван и его братья разошлись по своим спальням, дворецкий потушил последние свечи в гостиной. В камине догорали угли и к полуночи отдавали последнее дыхание тепла.

Миرون прошагал до спальни хозяина с подсвечником в руках своими привычно мягкими, мелкими шажками. Он уже хотел войти в спальню вслед за барином, но Иван сделал жест рукой, говорящий чтоб тот оставил его.

Ему никак не спалось. Он сидел на подоконнике с распахнутым окном и смотрел вдаль, в сторону леса. Иван осматривал взглядом свои необъятные владения и вдруг вдалеке увидел мелькающий огонек. Он удивился и стал присматриваться, но не мог понять, что это за свет. Иван знал, что там, за рекой и лесополосой, заканчиваются его владения и начинается поместье, знатного дворянина, ныне покойного графа Колышева. Но если это пожар, то он мог коснуться обоих владельцев.

Не медля ни минуты, Иван бросился к двери. Он выбе-

жал в темный коридор, но свет ему был не нужен. Зная каждую ступеньку и каждый поворот наизусть, он быстро пересек весь дом и, выбежав на задний двор, бросился напрямиком в конюшню.

– Коня мне! Моего! – кричал он еще на подходе.

Надевая на ходу рубаху, на встречу к нему выбежал Никита.

– Оседлать? – спросил он.

Вслед за Никитой подоспел конюх, выводя под уздцы любимого коня Ивана.

– Сейчас же оседлаю, барин, – заторопился он.

Иван вскочил на неоседланного коня и, развернув его, быстро скрылся в темноте.

Через долину он поскакал к лесополосе, быстро пересек ее по знакомым тропам, и через некоторое время оказался перед рекой. Река была тихая и не глубокая. Даже не приостановив коня, он на всем скаку ворвался в нее. Брызги разлетелись из-под копыт жеребца, и окатили графа. От шума и всплеска воды с деревьев сорвалась стая птиц. Иван быстро пересек реку и постоянно погоняя коня продолжил свой путь. Впереди находилась густая лесополоса, за которой его владения заканчивались. Он уже понял, что свет впереди, это не пожар и ехал немного медленнее. Вскоре послышался шум, музыка и разговоры. Иван с неистовым любопытством направился навстречу звукам. Его резвый конь с силой прорвался сквозь лесополосу и вывез его на зеленую поляну –

начало усадьбы, пустовавшей много лет.

Иван увидел, что имение, в котором раньше ни кто не жил, вдруг ожило. Здесь давали большой прием. В доме, на улице, у фонтанов и в садах – везде прогуливались гости, играла музыка, были слышны разговоры и смех дам. Иван встретил много знакомых лиц, все они занимали высокие чины при дворе. И это могло означать только то, что хозяин этого поместья богат и знаменит. Иван знал, что граф Колышев давно скончался и что имение не имело нового хозяина. От того интерес его только разгорался.

Конь рвался вперед. Иван с трудом удерживал его, вращаясь на одном месте. Белая рубашка прилипла к телу и просвечивала сильные плечи, широкую грудь и рельефный живот, облегла его длинные, жилистые руки. С растрепанных волос по лицу и шее стекали капли воды. Он протер ладонью мокрое лицо. В тот момент всадник на могучем, черном коне был невероятно красив.

Осмотревшись, Иван заметил, как в одном из окон дома, кто-то пристально смотрит на него, но сначала не придал этому значения. Иван убедился, что тот человек был единственный, кто заметил его, а когда вновь посмотрел в окно, там уже никого не было. Он еще раз осмотрел гостей и, развернув коня обратно, слегка прищипорил его в бока, дав, наконец, волю. Он отпустил поводья и направился в свое имение. Уже подъезжая к реке, он вдруг услышал позади себя топот. Иван оглянулся, и тут же на него налетел всадник. Вер-

нее, его широкий плащ, увернувшись от которого, он сильно дернул коня за поводья, поднял на дыбы и с плеском рухнул в реку. Иван тут же поднялся и встал перед заехавшим в воду всадником в полный рост. Незнакомец скинул капюшон с головы и рассмеялся. Граф услышал гордый, но очень красивый женский смех.

Иван окончательно намок, с лица ручьем стекала вода. Он вытер его рукой и встал перед наездницей, в свой полный, много выше среднего рост, гордо расправив плечи и высоко подняв голову. Иван сверлил ее взглядом, желая разглядеть ее лицо, в густой темноте ночи.

– С кем имею честь? – спросил Иван.

– Вы всегда являетесь на приемы без приглашения? – спросила незнакомка.

– Я не на прием явился. Я не являюсь без приглашения! Могу узнать, кто вы?

– Дааа? – протянула незнакомка, – А я видела вас на коне в той усадьбе, – вновь проигнорировав вопрос, сказала девушка.

– Я увидел какой-то свет за этой лесополосой из окна своего поместья и подумал, что это пожар.

– Так вы и есть тот самый граф Долгов? Хозяин соседнего поместья?

– Почему «тот самый»? – спросил Иван.

– Не должно знатному графу вести себя так.

– Простите?

– Являться в гости без приглашения и уезжать, не отдав дань почтения хозяевам, – все смеялась женщина, – вода холодная, может, выйдете?

Иван послушно вышел из реки и подошел к своему коню. Незнакомка последовала за ним.

– Вы так и не сказали мне, кто вы? У имения покойного графа Колышева, новый хозяин? – спросил Иван.

– Завтра в полдень я устраиваю скачки в своем имении, можете поучаствовать в них, если хотите, – произнесла знакомка, – только сначала, – она сделала паузу и вновь рассмеялась, – научитесь держаться в седле, граф!

– Смею заметить, – ответил Иван, – мой конь не был оседлан.

Но для нее это не имело никакого значения. Она развернула коня и помчалась в сторону своего поместья. Иван проводил ее взглядом, пока она совсем не скрылась в темноте, а топот копыт больше не был слышен, и только тогда, повернувшись к своему коню, обнял его за шею и произнес:

– Что же ты, Ветер, меня подводишь!?

Погладив ретивого за гриву, Иван ловко запрыгнул на него и галопом поскакал назад, в свое имение.

ЧАСТЬ II

Глава I

Едва поселившись в своем обновленном имении, Виктория устроила большой прием, который продолжался второй

день. Ее гости, как и многочисленные друзья Ивана, приезжали из Москвы. Приемы, устраиваемые в этих поместьях, проходили с большим размахом. Дамы и господа приезжали с личной прислугой и заполняли комнаты просторного гостевого дома. Имение было настолько велико, что с легкостью вмещало всех желающих пожить у герцогини пару дней.

До завтрака хозяйка поместья с гордостью демонстрировала свою коллекцию картин. Пожилой граф, желая попасть в особое расположение Викторией, подарил картину ее любимого французского художника, Антуана Ватто.

– Граф Загорский, Андрей Павлович, вы невероятно щедры, – улыбаясь, произнесла Виктория.

Граф в праздничном светло-бежевом сюртуке поцеловал ее руку. Несмотря на свой возраст, он намеренно демонстрировал Викторией свою статью. Андрей Павлович был невысокого роста, широк в плечах, его движения и четкая походка, говорили о его военном прошлом. Но при этом лицо его имело детскую улыбку, широкий лоб и добрый открытый взгляд, которые говорили о благородстве, а слегка вздернутые кончики усов придавали его образу некоторую важность.

– Ну что вы, герцогиня. Имею сведения о вашем прекрасном вкусе.

– Благодарю!

Она взяла графа под руку.

– Сопровождайте меня, прошу вас. Мне могут понадобиться ваши советы по поводу торгов. Сегодня я продемон-

стрирую своих скакунов, – Виктория откровенно кокетничала с графом, состояние которого внушало большое уважение к нему.

– Сочту за честь, герцогиня.

Часть гостей, преимущественно мужчины, собралась в летней беседке. За чаем они оживленно обсуждали положение в стране. Говорили о влиянии Германии и Франции на Россию. Пожилые господа угощали друг друга заграничными сигарами. Те, кто были моложе, больше интересовались породистыми скакунами, которых с раннего утра готовили к скачкам.

После завтрака гости Виктории отправились на импровизированный ипподром. Им были представлены чистокровные, английские жеребцы, доставшиеся ей от покойного мужа. Это был хороший шанс показать их в деле перед запланированными торгами. На содержание огромной конюшни уходило много средств, которые после смерти мужа, Виктория не желала тратить на лошадей, даже несмотря на свою любовь к этим животным.

– Давай! Давай! Давай! – кричал пожилой князь, размахивая смятой в кулаке пачкой банкнот.

Всадники на скакунах с жутким топотом пронеслись мимо лоджии, с которой открывался прекрасный вид на все небольшое поле с беговыми дорожками.

Вовлеченные в азарт, богатые гости Виктории делали ставки и выкладывали немалые суммы.

– Да! Да! Пошел, пошел! – кричал один, второй, третий.

Мужчины в изнеможении ждали исхода очередного забега, в то время как их дамы важно рассматривали в бинокли, скорее, наездников, чем их скакунов.

– Виктория, дорогая! – подойдя к хозяйке, воскликнула пожилая дама, Наталья Андреевна Шумилова.

– Графиня! Когда вы прибыли?

Виктория поспешила обнять ее.

– Только что, – ответила Наталья Андреевна. – Как хорошо! Смерть этого ворчливого старика пошла тебе на пользу, – шепнула она на ухо Виктории.

Та улыбнулась.

– Как хорошо, что вы приехали!

– Я не могла не приехать. С тех пор, как ты покинула мой пансион, я ведь почти каждый год навещаю тебя.

– Благодарю, мадам!

– Ты стала еще прекраснее, еще красивее! А ведь тебе уже тридцать три!

– Тише, – оглянувшись по сторонам, шепнула Виктория, и улыбнулась.

– Время не трогает тебя! – продолжала пожилая графиня, любясь любимой воспитанницей.

– Пока оно благосклонно ко мне.

– Ну что ж, голубушка, у нас еще будет время сплетничать с тобой, – тихо произнесла графиня, и вновь обняв Викторию, шепнула ей на ухо, – хочу знать все о твоём муж-

чине...

– У меня его нет, – так же тихо, ответила Виктория.

– У герцогини Бопре нет покровителя?! – возмутилась графиня, но потом поняла, что сделала это слишком громко. К счастью Виктории, их никто не услышал. – Никогда не поверю в это.

– Не забывайте, я ведь только что переехала сюда, к тому же совсем недавно стала вдовой.

– Одного не пойму, зачем в такую даль и глушь?

– После смерти мужа было много шума, – тихо ответила Виктория, – поживу здесь годик, пусть все забудется. Сплетники уймутся, – рассуждала она, – а потом, когда «свет» утихнет – вернусь. К тому же воздух и невероятная красота здешних мест пойдут мне только на пользу.

Графиня Шумилова хитро прищурилась.

– Ты должна срочно познакомиться с хозяином соседнего поместья. О, моя милочка, можешь верить мне, он завидный холостяк.

– Граф Долгов? Вы говорите о нем?

– А ты, голубушка, зря время не теряла, да? Ты пригласила его? Хочу посмотреть на этого красивейшего юношу. Последний раз я видела его три года назад, на каком-то важном приеме.

– Пригласила, – ответила Виктория, – но пока его что-то не видно.

– Мммм, я смотрю, и эта старая скупердяйка здесь, – за-

видев пожилую даму, давнюю знакомую, произнесла Шумилова, – нужно оказать честь. Подойду к ней, поздороваюсь.

– Конечно. Надеюсь на ваше расположение ко мне, – немного приклонив голову, произнесла Виктория, – и покорнейше прошу вас, оставаться у меня сколько вам будет угодно.

Когда-то именно эта властная хозяйка пансиона благородных девиц, сосватала Викторию очень богатому, но увы, уже не молодому герцогу.

Имея много общего, дамы были близки настолько, что могли разговаривать на любые темы. Виктория дорожила дружбой с графиней, имеющей безукоризненную репутацию, а от того и большое уважение в светском обществе. А графиня Шумилова любила Викторию, за ее проницательный ум и женскую хитрость, которые сделали ее одной из видных фигур французского двора.

– Благодарю, – ответила Шумилова, и удалилась.

Виктория взяла монокль и, вернувшись в свое белое плетеное кресло с мягкими подушками, стала искать в толпе гостей Ивана.

Глава II

После обеда, в саду, за столом остались только мужчины: Владимир Кириллович и три его сына. Елизавета Петровна и Анастасия Павловна катались на лодке по небольшому пруду внутри сада. Прикрываясь зонтиками от палящего солнца, дамы оживленно беседовали.

В это время Анна, Катерина и Данта отправились в сад, на белые качели.

– Ну, Данта, как тебе мой брат? – спросила Катерина, просто сторя от любопытства.

– Иван Владимирович? – переспросила Данта и немного покраснела.

– Ты прекрасно знаешь, кого Кэти имела в виду, – вступилась в разговор Анна и, улыбнувшись, добавила, – мне тоже интересно.

– Полно, Энн, Кэти, – попыталась отмахнуться от них Данта.

– Он ей понравился! – громко воскликнула Катерина и захлопала в ладоши.

– Ну что ты милая, – успокоила ее Анна, – мы просто шутим.

– Ах, как он смотрит на меня, – взволнованно, продолжала Данта, – невыносимо находиться с ним рядом.

– Это любовь! – с восхищением произнесла Катерина, – ах, милая моя, как прекрасно!

– Кэти, – одернула ее Анна, – Не зная об этом чувстве, так говоришь...

– Оно придет! – уверила Катерина, – а как это? – обратилась она к Данте, – мучительно?

– Не знаю. Так волнительно, но боязно...

– Мне кажется, что Иван влюблен, – сказала Анна.

– А если он попросит благословения у папа и мама? – с

испугом и радостью одновременно произнесла Катерина.

– Ах! – воскликнула Данта и прикрыла лицо руками, – я умру, не вынесу этого.

– Да что ты, дорогая, – взяв ее за руки, произнесла Анна, – не бойся этого чувства. Тем более, что оно может быть взаимно.

– Я не знаю. Кажется, я его боюсь, – ответила Данта.

– Но почему?

– Не знаю. Когда я его вижу, волнуюсь. Когда он дотрагивается до меня – дрожу. Он такой сильный...

– Так это же прекрасно, – вздохнула Катерина, – мне бы так...

– Кэти, ну когда ты повзрослеешь? – устало вздохнула Анна.

– Нет, нет, – вступилась Данта, – Кэт права. Я сама неправильно веду себя.

– Не волнуйся так, всем известно, что Ивану всегда нравились дамы старше него. Его прельщает молодость, но не юность, – по своей душевной простоте, выдала Катерина.

– Кэт!?! – возмутилась Анна, строго взглянув на сестру.

– Ой, – Катерина прикрыла рот ладонью и взглянула на Данту.

– Конечно, – тихо произнесла Данта, – что может заинтересовать такого мужчину, как Иван Владимирович, в такой девушке, как я?

Анна мило улыбнулась.

– Значит, ты все-таки влюблена! Данта, милая, не печалься раньше времени. Вспомни, как наш папа благоволил к тебе. А ваша мама, отчего она отказала стольким знатным дворянам, сватавшимся к тебе? От того, что знает, что ни один из них не достоин тебя. А Иван, – она посмотрела в сторону стола, за которым сидели мужчины, – он совсем другой!

В это время лодка причалила к берегу, но дамы не спешили покидать ее.

– Лизонька, как же красивы здешние места! – с искренним восхищением произнесла Анастасия Павловна.

– Да, – согласилась Елизавета Петровна, – здесь прекрасно. Еще красивее, чем Ванечка описывал в своих письмах.

– Я и представить не могла, что младший из твоих сыночек окажется столь благородным и таким самостоятельным юношей.

– Да. Он сумел удивить нас всех

– Прости мне мою прямоту, – вдруг произнесла Анастасия Павловна, – но Иван лучший из твоих сыночек.

– Ах, Анастасия, – вздохнула Елизавета Петровна, – мое материнское сердце разрывается на части. Ведь они все мои дети.

– Конечно, конечно. Но очарована я именно им. Твои старшие сыновья нашли себе выгодные партии в Париже. А Иван здесь совсем один. Вдали от вас.

– Потому сердце мое так и болит за него. Лишь одного желаю. Женится бы. Нрав у него ведь, вон какой...

– Пылкий, – улыбнулась Анастасия Павловна.

– Пылкий, да еще какой! Вон, уезд у него целый. Душ много. На него только и смотрят. Но подумай. Один ведь совсем. Некому о нем позаботиться.

– Да. Жениться бы пора. Молодой да ранний он у тебя, Лизонька. С женой-то потише был бы...

– Конечно, – согласилась Елизавета Петровна, – да разве же к нему подступишься с разговорами такими?

– Не печалься. И это случится. Граф он видный. Умен, хорош собой. Даст Бог, полюбит и женится.

– Сердце мое успокоится тогда, – вздохнула Елизавета Петровна.

– Мы столько лет дружны с тобой, Лизонька. Не хотелось бы, чтобы ты держала на меня обиду.

– Ну что ты, милая, – успокоила ее Елизавета Петровна, – твои советы и поддержка мне всегда были нужны.

Владимир Кириллович устроил судьбы старших сыновей и был готов переехать для этого в Париж. Когда-то он хотел поженить Данту и Николая. Это была бы выгодная партия для обеих сторон, но полька Анастасия Павловна, несмотря на это, предпочла деньгам и завидному положению счастье своей единственной дочери. Тем более, что Николай, которого сулили в мужья Данте, подсмеивался над ее робостью. А Данта не любила его общество и никогда не скрывала этого.

В это время подали чай. Владимир Кириллович пересел от стола в плетеное кресло. Он откинулся на спинку, важно

закинул ногу на ногу и закурил сигару.

– Твои братья рассказали мне о вашем вчерашнем разговоре, – объявил он.

Иван взглянул на братьев.

– Так скоро?

– В России никогда спокойно не было, – продолжал Владимир Кириллович, – беспокойно и сейчас. В то время, как аристократия не торопится поддерживать принятое положение о крепостных, ты уже выдал вольные половине своего уезда.

– Не вижу причины не сделать этого, – с присущим ему спокойствием ответил Иван.

– Иван, послушай, – вступился Николай, он взглянул на отца и, получив его молчаливое согласие, начал говорить, – Наша фамилия носит титул. Мы одни из самых богатых и знаменитых семейств при дворе. Но чтобы остаться на плаву сейчас, нам необходимо объединиться. Мы с Андрэ уже объединили свои капиталы, но и этого оказалось мало.

– Нужно гораздо больше. Во Франции сейчас особенное положение, – добавил Андрей.

– Причем здесь Франция?

– Мы собираемся переехать во Францию, – ответил Андрей, – Мы с Николя нашли там себе неплохие партии. Поженившись на дочерях высокопоставленных герцогов, мы сможем поправить свое положение. От этого выиграют все. Но нам нужно сделать видимость, что мы очень богаты...

а наше семейное положение сейчас, – Андрею было трудно признаваться в том, что они на грани банкротства, – скажем так... затруднительное.

– Если вам нужны деньги, – возмутился Иван, – почему просто не попросите?

– Дело не в деньгах, – прикрикнул Владимир Кириллович. Его злил тот факт, что ему приходится просить помощи у сына, да еще и младшего.

– Тогда в чем? Или я так нужен Франции? Или вам, отец?

Иван окинул взглядом всех троих и с горечью добавил:

– Никогда не был нужен. Столько лет спустя вы здесь и хотите лишить меня всего... моего дома!

– Твой дом – рядом с семьей, а значит, теперь во Франции!

– опять прикрикнул Владимир Кириллович, – тем более, что ты уже жил там, и довольно неплохо.

– Вы мало обо мне знаете, папа. Мой дом здесь!

– Неужели в тебе играет старая рана? – Николай довольно улыбнулся.

– Старая рана? Нет. У меня нет ран. Меня никто никогда не ранил. Мы же братья! Неужели мы можем ранить друг друга? Неужели все так плохо... у нас с вами?

Никто не решался ответить на этот вопрос. Братья сидели, опустив головы, и от стыда не могли поднять глаз. Отец Ивана тоже ощутил вкус поражения.

– Что же, – продолжил Владимир Кириллович, – Я выполнил просьбу Елизаветы Петровны, теперь могу откланяться.

– Мама уедет с вами?

– Однозначно!

– Нет! – Иван повысил голос. До этих слов, все что происходило между отцом и братьями было для него лишь игрой, хоть и неприятной ему. Но когда он понял, что отец не шутит, Иван огорчился и не смог оставаться спокойным.

Николай хитро улыбнулся. Они переглянулись с Андреем: оказалось, есть способ вывести брата из равновесия.

– Иван, тебе следует выслушать отца, – добавил Андрей.

– Почему он уезжает? Какие дела могут возникнуть у графа в его почтенном возрасте? – он словно перевел дух и былое спокойствие вернулось к нему.

– Иван, опомнись, – возмутился Николай, – как ты разговариваешь!?

– Елизавета Петровна поедет со мной! – Владимир Кириллович был решительно настроен, – если желаешь, здесь могут остаться твои братья и сестры. Они еще немного погостят у тебя. Я предполагал, что Екатерина и Анна уедут в конце месяца, а твои братья останутся и помогут тебе продать поместье.

– Что? – улыбнулся Иван, – Продать мое поместье? Кто волен распоряжаться моим поместьем и моей жизнью? Кто?

– Ты забываешься!

Иван поднялся, откинул салфетку на стол и принял привычную позу, заложив обе руки назад, выпрямив спину и широко расправив плечи. И хоть сам не замечал, он делал

это точно так, как и его отец.

– Господа, – совладав с эмоциями, произнес Иван.

Он почтено поклонился и ушел из сада. Горечь и обида переполняли его. Но он так достойно держался, что не выдал себя перед отцом и братьями, и даже больше, продемонстрировал свое превосходство. Иван показал, что все эти пустые разговоры не заслуживают его внимания. За маской спокойствия и равнодушия скрывалась обида и боль. Отца и братьев интересовали только деньги и положение при дворе. Имея другие ценности, Иван не понимал свою семью, и эти мысли тяготили душу.

Глава III

После полудня вся семья прогуливалась по развесистым садам, а юные барышни разбрелись по разным сторонам. Они условились, что каждая из них найдет и принесет в дом то, что всех удивит.

Не зная поместья, Екатерина забрела в конюшню. Анна, после долгих блужданий вышла к озеру, а Данта попала в глухую часть сада.

Иван давно искал с ней встречи. Он проследил за девушками и, убедившись в том, что Данта одна, последовал за ней.

Сначала он незаметно преследовал ее, потом нарочно выдал себя. Вернее то, что в саду есть кто-то еще.

– Кто здесь? – вскрикнула Данта от внезапного хруста сломанной ветки.

Иван ничего не отвечал. Он упивался тем, что и без того

робкая Данта была напугана. Иван же – как сытый хищник, не хотел есть свою добычу, но и ни за что бы не отпустил ее. Он издавал разные звуки и шорохи, переходил с места на место, желая ее запутать.

Осматриваясь по сторонам, Данта медленно отходила назад. На мгновение все стихло, и вдруг она почувствовала, как уткнулась во что-то спиной, и теперь это что-то дышит ей прямо в ухо.

– А! – всхлипнула она и, закрыв глаза, от страха не смела даже оглянуться.

Иван нежно дотронулся до ее маленьких плеч. Потом его движения стали более настойчивыми. Он ласкал ее шею, руки, потом обнял за талию и прижал девушку к себе.

– Что вы делаете? – растерянно спросила Данта, узнав Ивана.

– Боишься меня?

– Нет, – выдохнула Данта.

– Ты дрожишь?

– Вам показалось.

Иван повернул Данту к себе. Она тут же опустила голову и сделала несколько отчаянных рывков, но он без труда удерживал ее. Иван был выше Данты почти на две головы и, желая все же посмотреть в ее глубокие глаза, наклонился, заглядывая ей в лицо.

– Как же ты красива! – произнес он по-французски.

Этот тон и его изысканный французский не могли не про-

извести на Данту, воспитанницу пансиона для благородных девиц, впечатление, и Иван знал это.

Данта подняла голову и все же взглянула в его глаза.

– Отпустите, прошу, – еле слышно произнесла она.

Но его взгляд уже бегал по ее губам. Иван не хотел останавливаться. Он отрицательно покачал головой и наклонялся к ней все ближе и ближе.

Данта дернулась, но он с легкостью удерживал ее одной рукой и прижимал к себе. Руки опытного любовника заскользили по ее телу. Его движения становились все смелее. Он забыл, что перед ним совсем юная, неопытная девушка, не знавшая раньше ласки мужчин.

– Прошу, – вскрикнула Данта, и этот крик привел его в чувства.

Иван отшатнулся, не понимая, почему Данта отталкивает его, но взглянув в ее испуганное лицо, понял.

– Все, все, – прошептал он, убирая растрепавшиеся волосы назад.

Данта закрыла лицо руками и расплакалась.

– Все, простите меня, – зашептал он, – я не хотел, я не думал, я...

Данта подхватила подол своего роскошного платья и что есть силы побежала из сада в дом. Иван проводил ее взглядом. От переполняющих чувств ему хотелось взлететь. Все еще чувствуя за собой вину, он все же не мог сдержать улыбку. Медленно опустившись на колени, Иван перевернулся и

лег прямо на густой травяной покров. От удовольствия, закинул руки за голову и закрыл глаза. Едва он расслабился, как услышал чьи-то легкие шаги.

– Данта, – быстро произнес он, поднявшись с травы.

– Нет, не Данта, – ответила Наташа.

– Ты что тут делаешь? – поднявшись на ноги, строго спросил Иван.

– Маленькая княжна выбежала отсюда, как ошпаренная.

Наташа была рада, что Данта оттолкнула графа, но ей было больно осознавать, что он увлекся ею. Несмотря на то, что в ее голосе слышалась насмешка, глаза блестели от слез.

– Опять за свое, граф? Свежее мясо....

– Не твое дело. Место свое знай, – трепанув Наташу за локоть, ответил Иван.

– Стервятник!

– Пошла прочь, – ответил Иван и улыбнулся, – своими делами занимайся...

Он хотел уйти.

– Можно я приду сегодня к тебе? – с надеждой в голосе спросила Наташа, – я дождусь пока все уснут...

– Нет, – ответил Иван, не поворачиваясь.

Наташа ухватила его за руку.

– Ты же хотел ее, хотел! – истерически вскрикнула она.

Иван вырвал свою руку и холодно ответил:

– К ужину меня не ждите. Предупреди всех.

Наташа осталась в саду. По ее красивому лицу ручьем сте-

кали слезы. Она так сильно любила своего графа, что была готова простить ему все. Как больно он ее ранил – об этом знала только она одна. Ей хотелось освободить свою измученную душу от этой безответной любви. Но каждый раз она лишь находила в себе новые силы, чтобы ждать.

Глава IV

За ужином собрались все, кроме Ивана. Наташа стояла у двери, пока господа рассаживались по своим местам.

Данта обратила внимание на девушку, стоящую в конце большой столовой и пристально смотрящую на нее. Она не понимала, чем могла вызвать такой интерес, к тому же, в ее не добром взгляде, была видна ненависть. Это взволновало Данту. Она и не догадывалась, что Наташа видит в ней соперницу.

Все расселись и дворецкий подал знак прислуге. Наташа не хотела уходить, но место женщин было на кухне, больше она не могла здесь оставаться.

– А что же Ивана Владимировича нет? – спросила Анастасия Павловна.

– Его сиятельство просили передать, чтобы ужинали без него, – поклонившись, ответил дворецкий.

– Что случилось? Они не здоровы? – продолжила Анастасия Павловна.

– Их сиятельство до заката в полях, – ответил дворецкий, опять почтенно поклонившись.

– Что ж, более ждать не станем, – вступился Владимир

Кириллович, – начнем без него.

Когда Иван вернулся домой, он надеялся, что уже никого не застанет в столовой. Однако ужин слегка затянулся, и вся семья встретила его за столом.

– Сынок, ну где же ты был? – Елизавета Петровна встала из-за стола и обняла Ивана.

– В этом своем уединении ты совсем забыл о приличиях, – строго произнес отец.

– Владимир Кириллович, я прошу вас, – ответила Елизавета Петровна.

– Нет-нет, – проводив мать до места, Иван помог ей сесть, – пусть продолжает, – произнес он и сел во главе стола.

– Ваше сиятельство, – наклонившись над ухом Ивана, тихо произнес дворецкий, – изволите подавать?

– Да, я голоден, – ответил Иван, и устало откинулся на высокую спинку стула.

За столом вновь вкусно запахло.

– С вашего позволения, господа, – произнес Иван и принялся за еду.

– Иван Владимирович, вы не изволили ответить мне, – напомнил о себе отец, – я решительно желаю знать, где вы были? – он был настроен на ссору, от этого стал нелепо фамильярничать и обращаться к Ивану, как к чужому человеку.

– Набралось много дел. Я несколько дней не был в поле, в деревне у крестьян. Сегодня пришло время, – спокойно ответил Иван. – Такой ответ вас устроит, Владимир Кирилло-

вич?

– Папа, мама, – обратилась Анна, – разрешите нам с Кэт и Дантой идти в свои комнаты? Уже поздно, – она сразу почувствовала, что надвигающаяся туча – грозовая, и что если они не уйдут сейчас, то ливень намочит всех.

– Конечно, милые, – быстро поддержала дочку Елизавета Петровна и, благословив, обеих, отправила спать.

– Благословите, мама, – опустив голову, попросила Данта. Анастасия Павловна привстала и поцеловала дочку в лоб.

– Спокойной ночи Данта, – произнесла она по-французски.

– Спасибо, мама, – ответила Данта и вышла вслед за Анной и Екатериной.

Иван проводил ее взглядом, но она так и не решилась посмотреть на него. Ей казалось, что если взглянет, тотчас сгорит от стыда. Уйти ей хотелось, и идея Анны пришлась по душе. То же самое решила и Анастасия Павловна. Она понимала, что это дела семейные и что лучше им обойтись без свидетелей.

– Позвольте и мне покинуть вас, господа, – поднявшись со стула, произнесла она, – день был долгий.

Мужчины встали в знак почтения.

– Конечно милая, – согласилась Елизавета Петровна, – доброй ночи.

– Елизавета Петровна, вы тоже можете идти в свои покои, – сказал Владимир Кириллович.

– А может, она не желает, – вступился Иван.

– Нет-нет, – заторопилась Елизавета Петровна, – я хочу уйти. Но попрошу вас исполнить мою волю, – она обратилась к своему мужу, зная его крутой нрав, – не ссорьтесь, это не приведет вас, ни к чему хорошему.

На ее глаза навернулись слезы. Графиня поднялась со стула. Владимир Кириллович и сыновья встали, но она горько махнула рукой в знак того, что ей эти условности ни к чему. Ей хотелось, чтобы в семье был мир и покой.

Когда дворецкий закрыл за Елизаветой Петровной дверь, Иван произнес:

– Да мы и не ссоримся. Верно? Просто не нужно все решать за меня.

– Знаешь Иван, а ты вырос не только внешне, – заметил Николай.

– Это не возраст, а неуважение, – поддержал брата Андрей.

– Не то и не другое, – ответил Иван, – просто это только мое дело.

– Но мы – твоя семья! – возмутился Николай.

– Семья? Раньше вы так не считали, господа! – Несмотря на то, что Иван был зол и возмущен словами отца, он старался сдерживать себя, заведомо зная, что это дает ему преимущество перед оппонентами. – Где был ты, отец, когда я просил разрешения вернуться в родной дом? В ответ ты прислал мне письмо в четыре слова: – «ты мне не сын». Ты отказался

от меня тогда, когда я был никем. Никем, только твоим сыном. Когда у меня ничего не было. С чего же вдруг я нужен вам сейчас!?

Забыв о хорошем тоне, Иван стал обращаться к отцу на простое и привычное «ты». Глаза Владимира Кирилловича округлились. Его лицо выражало недоумение. Брови сдвинулись на лоб, рот приоткрылся от удивления. Он ничего не мог сказать в ответ. Обоим братьям было стыдно за то, что они когда-то толкнули отца отказаться от Ивана.

– Ты знатный дворянин. Держи себя равно своему титулу, – произнес Николай, некогда услышав эту фразу от Ивана.

– Кто-то желает сомневаться во мне, господа? – Иван улыбнулся.

– Ты не прав, – продолжал Николай, – я уже не говорю о твоём тоне, Иван. То, как ты обращаешься к папа... это... по меньшей мере возмутительно, – он запинался, старался обратить ситуацию в свою сторону, но Иван только улыбался.

– Иван, ты наш брат. И мы никогда не забывали об этом. Ты во многом не прав, – продолжал Андрей.

– В просьбе отца нет ничего странного. В том, что он просит тебя, – Николай запнулся на слове «просит», но потом, быстро взглянув на отца, добавил, – просит, объединить наши семьи. Вернее, мы одна семья. Да, мы некоторое время жили отдельно, но у нас одна фамилия и ты носишь наш титул, поэтому... – Николай запинался и путался в словах. Было очевидно, что он говорит не искренне. Но тут, на по-

мощь ему пришел Андрей и сразу перешел в наступление.

– Иван, ты знаешь отца... он не прощает. Тебе лучше подчиниться, ведь...

– Ваши просители настойчивы, – Иван обратился к отцу с усмешкой. После повернулся в сторону братьев и добавил, – я не нуждаюсь в его прощении. Я никому не подчиняюсь. Я великий граф Иван Владимирович Долгов. По-моему будет!

Иван бросил на стол салфетку. Стало понятно, что он собирается уйти.

– Если ты откажешься, мы уедем всей семьей, и больше никогда не увидимся!

Слова Николая прозвучали как угроза. Он знал, что их младший брат дорожит семейными узами. Но сегодня Иван был решителен и принципиален.

– Уезжайте, – холодно ответил Иван, – пусть мама и сестры останутся здесь, если захотят.

– Они не захотят, – грубо ответил Николай, – будь в этом уверен... брат, – он встал со стула и обратился к отцу. – С вашего позволения, папа.

Николай вышел из комнаты. В гостиной он встретил Алену. Она поставила бокал с вином на маленький столик у кресла, в котором обычно по вечерам сидел Иван, и хотела уйти, но Николай обозначил свое присутствие и Алена остановилась. Она повернулась к барину и присела в поклоне. Потом, не поднимая глаз, направилась к выходу. Николай за несколько шагов обогнал ее и оттолкнув от двери, прошел в

нее сам.

Алена ударилась о стену и выронила из рук поднос, но Николая это ни сколько не смутило. Он нервно зашагал по лестнице в свою комнату. Дрожащими руками Алена принялась собирать разлетевшиеся с подноса салфетки. Из кухни вышла мадам Марин и, опустившись на колени, помогла ей.

– Я справлюсь, – еле сдерживая слезы, прошептала Алена.

– Ничего, ничего, – ответила мадам, – это сейчас у них время такое. Главное, чтобы графа нашего не обидели, – шептала она, – стервятники, поналетели...

Оставшийся за столом Андрей молчал. Он был растерян и не ожидал, что Иван сможет один противостоять двум старшим братьям и, самое главное, строгому отцу, которому они с Николаем перечить не смели и выполняли его волю безоговорочно.

Отец тоже не ожидал получить отпор. Старый граф действительно не слышал в жизни слова поперек своей воли. Он немного медлил после ухода Николая, а потом сказал:

– Пожалуй, нам больше нечего делать в этом доме...

Граф поднялся со стула, ему на помощь кинулся дворецкий, но он оттолкнул его и важно прошагал к двери.

Андрей привстал, чтобы проводить отца, а Иван даже не повернулся в его сторону.

– Знаешь, я не перестаю удивляться, тому, как сильно ты изменился. Ты стал самостоятельным, даже слишком, – с досадой сказал Андрей.

– Мне уже двадцать три...

– Тебе еще двадцать три, – перебил Андрей, не дав Ивану произнести ни слова больше, – мне двадцать семь, но даже теперь я не перечу отцу, потому что знаю, как это может обернуться.

– Как? Андрэ, ты испугался? Ты испугался этого больного старика? Он уже еле ходит. Он всю жизнь командовал нами, не давая шагу ступить без его позволения.

– Послушай, Иван, то, что ему осталось совсем не много знают все, и даже он сам. Именно поэтому, он хочет, чтобы мы были вместе.

– Андрей, зачем вы пытаетесь так сильно наказать меня? Зачем вы так меня обманываете? Ведь он и видеть меня не хочет. Это все вы с Николаем. Что вы придумали на этот раз, я не знаю, но вам нужны деньги, а не моя братская любовь, – с болью в голосе произнес Иван, – как можете вы так поступать со мной? Вы едете так далеко спустя столько лет, чтобы еще раз сделать мне больно? Почему просто не попросите?

Откровенность Ивана не знала предела. Он давно забыл свои детские обиды, но встреча с братьями заставила его вспомнить все.

Андрей не был готов к такому разговору. Им с братом казалось, что они продумали все: как они приедут к Ивану и тот встретит их с распростертыми объятиями, и будет рад тому, что семья снова воссоединилась. И им не составит труда уговорить брата выполнить волю отца. Но Иван был не из

робкого десятка, наверное, именно потому в свои двадцать три он добился больших успехов.

Андрей выдержал паузу, в нем кипела злость, он не мог совладать с эмоциями.

– Ты слишком удачлив, Иван, – вдруг ответил Андрей с завистью.

– Отцепись от отцовских штанов и ты тоже найдешь свое счастье.

– Наш титул – это все, что у нас с Николаем есть, – с досадой вскрикнул Андрей, – Ты же намного моложе нас, а у тебя уже есть все, что наш отец копил годами.

– Я готов... поделиться с вами всем, что у меня есть, – уже спокойно продолжал Иван, – взамен я прошу лишь не ненавидеть меня так сильно...

– Я помню, в детстве мама всегда выделяла тебя среди нас. Я помню, как на тебя смотрели наши служанки. Мне всегда было интересно, за что женщины так любили тебя!?

– Разве ты был обделен любовью нашей матери? Или ты помнишь всех наших служанок?

– Прошло много лет, – будто не слыша, продолжал Андрей, – и мы видим тебя богатого и успешного...

– Мне жаль, мой брат. Вас с Николаем.

– Пожалей себя. Ты один!

– У меня еще все впереди. Позже ты поймешь это.

– Отец никогда не благословит тебя. Твое «царство» не будет длиться вечно, когда-нибудь к тебе, Иван, придет го-

ре, и тогда я приеду, чтобы посмотреть, как сломается твое самолюбие.

– От чего вы так слепы? – удивлялся Иван, – Андрей, у вас с Николаем есть все для того, чтобы начать самостоятельную жизнь. Вы найдете свое счастье, когда станете независимы от отца.

– Наше с Николаем положение намного хуже, чем думает наш отец, – вдруг признался Андрей. Он быстро поднялся со стула, сунул обе руки в карманы и стал ходить туда-сюда. Правда, в которой ему пришлось признаться, злила и унижала его одновременно.

– От чего так вышло?

– Это долгая история. Наверное, когда-нибудь я обязательно покаюсь перед тобой, – ответил Андрей и хотел уйти, но Иван окликнул его.

– Андрей!

Андрей остановился и повернулся к брату. Мысль о том, что братья стали заложниками их сложившегося материального положения, не укладывалась у Ивана в голове.

– Вы должны жениться по любви.

– Политика и любовь не совместимы, – с грустью ответил Андрей.

– Я помогу.

Андрею нечего было ответить. Поражаясь спокойствию и великодушию Ивана, он молча вышел из комнаты. Дворецкий открыл дверь и проводил его взглядом.

После ухода Андрея, Иван остался сидеть за столом, но есть ему уже не хотелось, а когда быстрые шаги брата утихли в гостиной, тот зверь, что рвал и метал в душе Ивана, вырвался наружу. Он со злостью ударил по столовым приборам, лежавшим перед ним. Раздался лязг ложек и вилок и звон битого хрусталя, а по ладони стекла тонкая струйка крови.

Глава V

По дороге, лежащей через лес, промчался всадник. Он уверенно поворачивал своего коня на нужные тропы, словно бывал в этих местах много раз. На дорожной развилке в поместья Ивана и соседнее незнакомец повернул в сторону усадьбы герцогини Виктории и поскакал так, будто боялся не успеть.

У ворот его сразу впустили. Он подъехал к дому, быстро спешился и почти бегом поднялся по ступенькам к двери.

Войдя в дом, он скинул с себя плащ и перчатки. Дворецкий тут же унес их. Мужчина осмотрелся вокруг и направился к лестнице. Едва ступив на нее, он почувствовал на себе чей-то взгляд. Гость поднял голову и увидел Викторию.

– Ты? – удивилась она.

– Думала, что я тебя не найду?

На вид ему было около сорока. Высокий мужчина с глубокими черными глазами бегло осмотрелся. Убедившись, что они в гостиной одни, улыбнулся. Статный, с важной выправкой, он был довольно привлекательной наружности. Гладко-зачесанные черные волосы были аккуратно собраны

в хвост. Над правой бровью блеснул шрам, и это делало его лицо суровым. Граф, Филипп Яковлевич, пользовался популярностью при дворе, особенно у женщин, но ему нужна была только Виктория.

– Молчишь? Милая, тебя так трудно удивить. Неужели это все же произошло? – поднимаясь вверх по лестнице, с наигранной иронией спросил Филипп.

Он приблизился к испуганной Виктории и обнял ее за талию. Она уже немного расслабилась, но в этот момент Филипп с силой сжал свои руки.

– Удивлена? – прикрикнул он.

– Немного, – тяжело выдохнула Виктория.

Филипп наклонился к ней, чтобы поцеловать, но Виктория отвернулась. Он удивленно заглянул ей в лицо.

– Что не так?

– В доме полно гостей. Нас могут услышать.

– Я знаю, что все они размещены в гостевом доме, – ответил Филипп, – в этом огромном доме, ты одна!

Филипп некоторое время смотрел ей в глаза, потом хитро улыбнулся. Его руки скользнули вверх по ее спине и в следующую секунду он что есть силы вцепился в ее платье, рванул и оно разошлось на две половины, до самой юбки. С губ Виктории сорвался тихий стон. Филипп повалил ее на лестницу, грубо сдернул расплзшейся корсет, заломил руки, жадно целовал грудь. Виктория отворачивалась и изредка стонала, от его грубых движений. Она стиснула зубы, что-

бы не закричать, не привлечь внимание гостей и не разозлить Филиппа еще больше.

Утром, она проснулась одна. В спальню тихо пробралась Люси.

– Уже не спишь? – спросила она тихим шепотом.

– Нет.

Люси прошла к окну и открыла занавески. Яркое солнце осветило комнату. Виктория закрылась от его света рукой.

– Который час?

– Без четверти десять. Как хорошо, что ты живешь в этом отдельном доме, – сказала Люси, – вчера вас никто не слышал.

Девушка искренне сочувствовала своей хозяйке. Она подошла к кровати и села на край. Виктория одобрительно подобрала одеяло, уступая ей место.

– Как он узнал, что я вернулась в Россию? Что поселилась здесь?

– В России, он влиятельнее тебя. Но мы найдем способ, как присмирить его.

– Да, здесь я гостья, – сожалела Виктория, – общество любит мои приемы, а не проблемы.

– Я тут поспрашивала, – зашептала Люси, – плохи его дела. Филиппу нужны деньги, – говорят, что он крупно проигрался в карты.

– Это точно?

– Точно! А самое главное – кому? Какому-то молодому

графу. И совсем недавно.

– Какому графу, Люси? – нервно переспросила Виктория.

– Не узнала. Знаю только, что деньги очень большие, и Филипп подумывает расстаться со своим имением в Москве.

– Дааа?! – протянула Виктория, – значит, деньги действительно большие.

– Еще княгиня Литовская сказала, что выплатит за него этот долг, если он женится на ней, – хихикнула Люси.

– Пусть бы женился. А где он сам?

– Филипп? С утра ездил в соседнее имение, кучер доложил. По-моему, они с молодым графом знакомы. Может, он хочет занять денег у него?

– Говоришь, поехал к графу по соседству? – переспросила Виктория с хитрой улыбкой на лице. Она встала с постели. Люси тут же засуетилась, подавая ей пеньюар.

– Не надо, – Виктория подошла к окну своей спальни и посмотрела в сторону соседнего поместья, – платье подавай!

Глава VI

В эту ночь Иван почти не спал. Временами его клонило ко сну, но потом он снова просыпался. Лишь под утро ему удалось крепко уснуть. Ему приснился странный сон: будто он бежал от кого-то. Видел ту босую девку в рубахе с длинными волосами. Потом женщину в плаще с накинутым на голову капюшоном. Иван узнал в ней ту наездницу, что налетела на него прошлой ночью. Он заблудился в черном лесу, искал как выбраться. Видел впереди Данту, подошел к ней, дотро-

нулся до плеча и вдруг услышал вой.

– Волки, – ужаснулась Данта.

– Здесь не водятся волки, – пожал плечами он.

Но в этот момент жуткий волчий рык раздался так близко, что он вздрогнул, вырвался из сонного плена и резко поднялся, в холодном поту, словно он, действительно, пробежал всю ночь.

Солнце еще не встало. Свет только-только стал пробиваться, разжижая сумрачную серость. Иван понял, что это всего лишь сон и, все еще тяжело дыша, снова откинулся на подушку, раскинул руки в стороны и закрыл глаза. Уснуть он больше не смог. Встал еще до того, как в доме проснулся кто-то из семьи. Велел оседлать Ветра и поскакал в поле, чтобы развеять мысли о сне.

Николай тоже проснулся рано и спустился в гостиную. Кроме Алены в ней никого не было. Она старательно натирала длинный стол с массивными резными ножками и не услышала, как он приблизился к ней.

– Где Иван Владимирович?

Алена быстро повернулась и присела в поклоне.

– Его сиятельство уехали в поле до рассвета, – ответила она и заторопилась уйти, но Николай поймал ее за руку и с силой оттолкнул к стене. Девушка тяжело выдохнула, а Николай прижал ее своим телом и заломил руки, чтобы она не сопротивлялась.

– Вольная значит? – со злостью прошипел он.

Николай не мог простить Ивану вчерашнего разговора и застав Алёну одну, решил выместить кипевшую злобу на нее.

– Что же ты такая неласковая к своему хозяину?

– Вы мне не хозяин, – ответила она.

– Я брат твоего хозяина, значит, и твой.

– Вы ненавидите своего брата, вы враги. А враг моего хозяина – мой враг, – выпалила Алёна глядя в его глаза.

– Вот как?! Думаешь, если вольная, значит, все можешь?

Но так даже интересней.

Николай еще сильнее прижал девушку и силой поцеловал, но она тут же укусила его за губу.

– Дрянь! – вскрикнул он, отшатнувшись от Алёны.

Он дотронулся до губы и увидел на пальцах кровь. Девушка испуганно окинула взглядом графа и шепнула:

– Прост...

Она не успела договорить. Сильная пощечина прервала слова. Алёна громко вдохнула, а через секунду, теряя сознание, сползла по стене.

Николай оглянулся по сторонам. Убедившись, что никто этого не видит, поднял Алёну на руки и понес в комнату для прислуги. Уложив ее на одну из кроватей, он вернулся к двери и запер ее. Девушка все еще была без сознания. Николай грубо задрал юбки ее платья, торопливо протиснулся между ее ног, дрожащими руками расстегнул свой ремень. Алёна простонала. Боясь, что она придет в себя, он снова ударил ее по лицу. Звонкая пощечина приглушила стоны. Он сделал

несколько грубых рывков и с силой вошел в нее. Зная, как эта девушка дорога Ивану, причиняя ей боль он испытывал особое удовольствие и еще долго не мог остановиться и насытить свою жалкую похоть.

В столовую вошла мадам Марин.

– Где запропастилась эта лентяйка Алена?

– Наверное, ушла в деревню, навестить брата, – предположила Наташа.

– Посмотрите там на курицу, следите чтоб не передержали. Его сиятельство не любят, – командовала мадам Марин.

На кухне было много прислуги, все они суетились с утра до вечера, стараясь угодить одному человеку – молодому графу. Теперь, когда в доме были гости, суеты было особенно много.

Иван вернулся из поля еще до завтрака. Некоторое время он провел в своем кабинете. Как оказалось, у него был гость.

К завтраку он вышел, когда уже вся семья собралась за столом. Иван поцеловал руку матери, потом княгини Анастасии Павловны, повернувшись к трем прекрасным, молодым девушкам, почтенно кивнул головой.

– Доброе утро, господа!

Он сел во главе стола.

– Что у тебя с рукой, сынок? – поинтересовалась Елизавета Петровна.

– Я был в кузне, – ответил Иван, – неудачно отлетел кусок металла. Ничего страшного, просто порез.

Иван отвел взгляд, боясь быть уличенным во лжи. Порез от битого хрусталия напомнил ему о вчерашнем неприятном разговоре с братьями.

– Тебе следует быть осторожнее.

– Я осторожен. Не волнуйтесь, мама.

Дворецкий склонился над ухом Ивана, прося позволения подавать завтрак.

– Я не видел Алену, – шепнул Иван.

– Плохо себя чувствует, – тихо ответил дворецкий, – велеть явиться?

– Нет, подавай завтрак.

Сидящий рядом Николай усмехнулся и опустил голову, чтобы не выдать себя. Иван и Данта продолжали переглядываться незаметно для всех. Иван чувствовал, что его тянет к ней, она ему нравится. Проходя мимо, он будто случайно задевал ее руку или плечо. Эта юная девушка по-настоящему волновала его. Он хотел чаще бывать с ней, но при этом больше не позволял себе вольностей, чтобы не пугать.

– Утром я слышал, как подъезжала повозка, – поинтересовался Николай.

– Меня навестил мой друг, – ответил Иван.

– Невероятно, – удивилась Катерина, – ты живешь так далеко от города, но здесь у вас так оживленно.

– Мой друг проездом. Остановился в соседнем поместье. Меня решил навестить с утра. Он знает, что я встаю рано.

– Что же он не остался завтракать с нами? – спросила Ели-

завета Петровна.

– Он приехал этой ночью. Устал с дороги. Я пригласил его сегодня к нам на ужин.

Иван заметил интерес в лицах собеседников, всем хотелось увидеть этого друга.

– Сынок, завтра мы с Владимиром Кирилловичем уезжаем, – с грустью в голосе заговорила Елизавета Петровна.

– Вы можете не ехать, если не хотите, – ответил Иван.

– Что значит – не ехать? – сурово переспросил Владимир Кириллович.

– Да то и значит! Мы не виделись несколько лет, а вы, папа, не можете справиться со своими принципами?!

– Иван, ты не прав, – вступился Николай.

– А кто прав? Он? – Иван кивнул на отца. – Когда он перестанет распоряжаться ее жизнью? Вашими жизнями?

За столом повисла пауза. Никто, кроме Елизаветы Петровны, не разделял мнения Ивана. Всем была привычна забота, а вместе с тем и полное подчинение воле отца. Никто не был так свободолюбив, как Иван, и потому не видел в сложившемся устое изъяна. Поэтому правда Ивана правдой была только для него.

– Иван, сынок, – еле сдерживая слезы, произнесла Елизавета Петровна. Ее сердце разрывалось от обиды на эту правду, и в то же время – от гордости за сына, который так отчаянно пытался защитить ее.

Иван встал. Выпрямился во весь рост и гордо поднял го-

лову. Как обычно скрестил обе руки за спиной, широко расправив при этом грудь.

– Дамы, – произнес он с почтением и поклонился. Не сказав больше ни слова, он вышел из столовой.

Иван направился к заднему двору, где у дверей его уже ждал оседланный Ветер. Под уздцы его держал молоденький конюх.

– Барин, – поклонился он графу.

Иван не ответил ни слова, и на ходу вскочив в седло, умчался в сторону деревни. Наташа проводила графа взглядом и хотела вернуться в дом, но увидев, что к двери приближались Анна с Дантой, поторопилась скрыться. Она вернулась на задний двор. Проходя мимо конюшни, увидела, как Никита начищал бока игривого жеребца и все время следил за ней, хитро улыбаясь.

– Чего уставился? – фыркнула Наташа.

Никита отставил ведро воды, откинул щетку и, снимая рубаху, направился к ней. На ходу вытирая лицо и руки, он закинул ее на плечо.

– Нравишься, вот и смотрю, – остановившись прямо перед ней, ответил он.

Наташа усмехнулась. Гордо откинула волосы и пошла в сад.

Он оглядел ее с ног до головы, и пошел следом. Она услышала шаги и оглянулась. Никита был уже близко и Наташа, что есть силы, бросилась бежать в густые деревья. Ей удалось

быстро скрыться в них. Она слышала, как где-то рядом рыскал Никита, но никак не мог ее найти. Стало тихо. Наташа переждала еще несколько минут, высунула голову из кустов, чтобы посмотреть, ушел ли он, но он не ушел. Парень был совсем близко, и как только она показалась, Никита бросился бежать в ее сторону и на этот раз, быстро настигнув, повалил на траву.

– Думала, обманешь?

– Пусти, иначе закричу!

– Да кто тебя услышит!?

– Здесь недалеко гуляют хозяева, – пыталась усмирить его

Наташа.

– Думаешь, они бросятся тебе на помощь?

Никита не обращал на ее крики внимания.

– Да ну тебя. Надоел уже. Чего ты привязался ко мне?

– Люблю я тебя, – уже тише и серьезнее ответил Никита.

– Каким местом? – отталкивая его руки, произнесла Наташа, – Каким всех девок в деревне перелюбил?!

Она звонко рассмеялась.

– А ты – хозяйина, – ответил Никита, и ее смех тут же стих.

– Уйди, а то дождешься, я к барину пойду.

Никита отпустил Наташу и сел на траву рядом с ней.

– Да нужна ты ему, – с сожалением произнес он, – барин тебя в дальнее имение сошлет. Это решено уже.

– Там хоть тебя не будет, – фыркнула Наташа, поднимаясь с травы.

– Я тебя и там найду. Хоть куда спрячешься – найду!

Никита поднялся на ноги. Наташа встала перед ним.

– Несчастный конюх! Конюх, ко... – злобно выпалила она.

Устав от ее бесконечных унижений, Никита почувствовав в себе прилив злости и дал ей пощечину, чтобы хоть как-то заставить ее замолчать.

– А, – всхлипнула девушка, схватившись за лицо.

Уже в первые секунды Никита искренне пожалел о том, что не смог сдержать себя. Наташа зарыдала и хотела убежать, но он схватил ее за руки и сильно прижал к себе.

– Прости меня, прости...

Наташа рыдала не от боли, а от обиды. От обиды даже не на самого Никиту и не на то, как он грубо и по-крестьянски просто добивался ее. Она рыдала от того, что была не нужна любимому графу.

– Ты прости меня, – как-то растеряно произнес Никита, – мы ведь с тобой в этом так похожи.

– О чем ты? – сквозь слезы, спросила Наташа.

– Ты не нужна ему. Я не нужен тебе, – Никита страдал от того, что он сделал, – прости меня.

Он легко поднял Наташу на руки и прижал к себе, виновато опустив голову ей на грудь.

Глава VII

В деревне шли приготовления к празднику – проводам весны. Люди украшали свои дома полевыми цветами, во дворе, как обычно ставили один общий, длинный стол. На каж-

дый праздник Иван сам отправлял из своего стада, несколько голов коров и десятков овец. В такие дни даже бродяги с дорог приходили, чтобы поесть, и Иван никому не отказывал.

В стороне от стола молодые девушки и парни укладывали ветки для костра. В разгар этих приготовлений приехал и сам хозяин. Иван важно въехал в деревню на своем Ветре. Едва завидев его, крестьяне отвлеклись от работы, чтобы приветствовать барина.

Иван счастливо улыбался и подмигивал девушкам. Они хохотали и красовались перед молодым графом. Он спешил. К нему подбежал молодой парнишка и ухватил его могучего коня под уздцы.

– Держи его крепче, Данила, – шутливо сказал Иван и пошел к столу, – больше, больше, – подбадривал он ребят, укладывавших ветки на костер, – чем жарче пламя от костра, тем жарче лето! Хочу, чтобы огонь был виден за десятки верст!

Иван подошел к столу, где полноватая женщина с невероятно добрым лицом мешала тесто. Завидев Ивана, она улыбнулась. В уголках глаз появились мелкие морщинки, которые ей так шли. Из-под платка, виднелись пряди гладко причесанных, седоватых волос. Карие глаза блестели при свете яркого солнца. Иван наклонился через стол и поцеловал ее в лоб.

– Здравствуй, Тая, – он улыбнулся и сел перед ней на длинную лавку.

– Улыбается лицо твое красивое, а душа плачет, – ответила женщина.

– От чего же не пожелаешь мне здравия?

– Здравствуй, сынок, здравствуй!

– Почему ж ты так говоришь?

– Я ведь все вижу. Что-то происходит с тобой, – покачав головой, ответила Тая.

– Я знаю, чувствую это, но не могу понять, что именно, – вдруг признался Иван, – помоги мне.

– Если бы не твои сны, ты бы и не пришел ко мне, – с сожалением в голосе проговорила она, – просто о моем здоровье справиться. Забыл ты свою Таю, – с обидой договорила она и стала мыть руки от муки.

– Не обижайся. Я совсем потерял. Чувствую, происходит что-то. Не знаю что. Потерял сон, покой. Одно спасение теперь у меня...

– Данта?

– Она. О ней все время думаю.

– Да, она красивая, – вытирая руки о белый фартук, подтвердила Тая.

– Откуда знаешь?

– Видела. Да и говоришь все о ней и о ней, – Тая выдержала секундную паузу, – ну, пойдем же, посмотрю, что с тобой, где сон свой оставил.

Иван встал и пошел за женщиной в ее небольшой домик. В это время его конь заржал. Иван резко оглянулся и увидел,

как крепкий парнишка в широкой рубахе насилу справлялся с жеребцом.

– Держи, держи его, Данила! – весело крикнул Иван, – сумеешь покорить моего скакуна, станешь настоящим мужчиной! Возьму тебя к себе во служение, если продержишься в седле до моего возвращения, – шутливо проговорил он и вошел в дом вслед за Таей.

Вокруг Данилы стал собираться народ. Все знали, что усмирить коня Ивана мог только он сам, но Данила всегда отличался силой, смелостью и находчивостью. Он во всем хотел быть похожим на своего барина. Выполнить его поручение для парня было дело чести. Он что есть силы пытался вскочить на коня, но каждый раз падал. И даже после этого не останавливался. Из толпы то и дело слышались выкрики:

– Давай, Данила, не подведи барина!

– Докажи, что ты мужчина!

В толпе появился Никита, он важно сложил руки перед собой и заявил:

– Этот жеребец, как преданный пес, никого к себе не подпустит и не даст себя оседлать! Никому, кроме барина.

– Посмотрим, может, Данила сумеет.

– Я не сумел, – уверенно ответил Никита, – куда там юнцу?

В комнате, куда вошел Иван, было светло и уютно. Простая деревянная мебель, худенькие занавески на окнах и прочие вещи были близки его душе. И, хотя убранство его

дома было богатым, сам он, любил бывать в простых крестьянских домах. Осмотрев комнату, он улыбнулся.

– Давно у тебя не был.

– Так кто ж запрещал?

Тая вышла в низкую боковую дверь. Она была небольшого роста и, даже не наклоняясь, быстро скрылась за ней. Иван пошел за женщиной. Сразу за дверью начинались ступеньки, на которых он оступился и с грохотом упал на пол. В темной комнате тут же зажглась лампа и раздался девичий смех. Иван быстро поднялся на ноги и осмотрелся. За столом в углу, который не достигал свет от лампы, сидела девушка. Иван старался рассмотреть ее силуэт.

– А, ты уже здесь? – удивилась Тая, – я и не видела, когда ты пришла.

– Я принесла то, что ты просила, – ответила девушка, и подвинула на середину стола маленький сверток.

Из темноты на свет появилась ее рука. Иван увидел на запястье небольшой браслет из маленьких черных бусин.

– Спасибо, Ёшка, – ответила Тая и, забрав сверток, положила его на полку, где стояла лампа.

В этот момент в голове Ивана, эхом отозвалось «Ёшка, Ёшка, шка, ка, аааа...» Сердце забило быстрее. Стало тяжело дышать. Иван почувствовал непреодолимое желание увидеть лицо этой девушки, увидеть ее.

Тая нарочно столкнула лампу на пол и свет тут же погас. И с ним, словно и не было, от Ивана отхлынули все волнения

и мысли о девушке.

– Ой, что же это я, – спохватилась Тая и стала искать лампу на полу.

– Я тебе помогу, – Иван отошел от двери.

В это время он почувствовал теплый порыв воздуха у себя за спиной, а когда оглянулся, то дверь уже хлопнула, а за ней скрылась незнакомка.

– Ой, вот и лампа, – сказала Тая и зажгла ее.

– Кто эта девушка?

– Из наших. Деревенская.

– Неправда, – уверенно возразил Иван и сел за стол, – я бы знал ее. Что она тебе принесла?

– Помой руки и умойся.

Тая поставила перед Иваном не глубокую чашку с водой.

– Как, ты говоришь, ее зовут? – оmyвая руки, спросил Иван, – Ёшка? – он наклонился над чашкой и умылся несколько раз.

Тая подала ему белое полотенце и села за стол напротив Ивана. Она пододвинула чашку с водой к себе и зажгла свечу. Наклонилась, шептала что-то над водой. Иван вытер лицо и скомкав полотенце положил его на стол.

– Тебя окружает много женщин. Но ты как будто не чувствуешь их окружения, ты думаешь, что одинок.

– А разве это не так?

– У тебя есть все. Твои руки полны денег и...

– И чего? – переспросил Иван.

– И карт, – ответила Тая и улыбнулась.

– Все это я знаю. Скажи мне, что делать, я не сплю уже которую неделю, и не пойму, что творится в моей душе.

– Нужно остановиться. Иначе, быть беде.

– Все это пустое. Мимолетные увлечения.

– Не слышишь ты меня, – убирая чашку с водой, сказала Тая. Она вернулась на свое место и добавила. – Никогда не слышал и сейчас не слышишь.

– Плохо мне, – тяжело вздохнул Иван.

– Не вздыхай, ты еще найдешь свое счастье, – успокоила его Тая, – Дай полотенце, посмотрю, – она взяла со стола скомканное полотенце и, развернув его, задумалась.

– Порчи на тебе нет, – уверенно сказала она, – но...

– Что? – не дожидаясь, перебил Иван.

– Что-то беспокоит тебя.

Иван хлопнул ладонью по столу.

– А я о чем?

– Не-ет, – протянула Тая, – это другое. Оно еще не пришло.

– Что оно?

– Будущее.

– Впервые ты так ведешь себя. Обычно пошепчешь, дашь выпить чего-нибудь, и все хорошо. Давай, и сейчас также, – попросил Иван.

– Хорошо, – Она встала и подошла к полке с какими-то баночками, узелками, травами и взяла пучок травы, – сде-

лаю, вот тебе, – подала она, – Добавляй в чай. Всегда. Это вернет тебе сон.

Иван взял траву и сунул в карман.

– Не понимаю, почему я во все это верю, – вздохнул Иван. Он подошел к Тае и поцеловал ее в лоб, – спасибо...

– Не говорят, – быстро перебила его женщина, – береги себя.

Иван небрежно махнул рукой и вышел из темной комнаты в светлую.

– Тебе еще через многое предстоит пройти, – прошептала Тая вслед Ивану, зная, что он ее уже не услышит.

Выйдя на улицу, Иван увидел, как Данила, что есть силы, вцепился в гриву ретивого коня и пытался удержаться на нем. Все это время, под веселые подбадривания и свист крестьян, он умирал Ветра, но конь так и не покорился ему, и паренек в очередной раз с него слетел.

– Данила, ну как, послушный у меня жеребец? – смеясь, спросил Иван, подойдя к толпе. Он встал между двух хорошеньких девушек и обняв их за плечи, весело наблюдал за парнем.

Тот уже весь в ссадинах, штаны и рубаха не подлежали штопке, улыбался.

– Бес какой-то, – ответил Данила, поднимаясь с земли.

– Уже справился почти, но тут появилась эта бестия и конь словно взбеленился, – сказал кто-то из толпы.

– Кто эта бестия? – переспросил Иван и отпустив кокет-

ливо смеющихся девиц, подошел к своему коню. Тот покорно позволил хозяину сесть на себя.

– Ёшка.

– Ведьма, а не баба! – добавил мужик.

Все рассмеялись. Иван взглянул на запыхавшегося юношу. Вид у него был потрепанный, но довольный.

– Ну что, Данила, за смелость твою и упорство – награжу тебя! А сейчас ступай в имение. Пусть выдадут тебе кафтан новый. Будешь при мне служить, – Иван резко развернул коня и поднял его на дыбы, демонстрируя свою власть над непокорным Ветром, – Скажи, барин велел! – прикрикнул он и помчался в сторону полей.

Девушки зашептались, восхищаясь красотой и силой хозяина. Мужики обсуждали, как ловок их барин. Данила весело размахивал руками и твердил наперебой то о коне, то о барине. В стороне остался лишь недовольный Никита. После того, как все разошлись, он еще некоторое время смотрел вслед графу.

Глава VIII

Был теплый полдень. Филипп и Виктория обедали на террасе за большим, круглым столом. Граф, как и обычно, вел себя излишне раскованно. Герцогиня же наоборот, только иногда украдкой смотрела в его сторону.

– Люси, оставьте нас, – вдруг попросила Виктория.

Люси послушно поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь. Филипп прожевал, запил вином и вытер губы салфет-

кой.

– Ты хочешь о чем-то поговорить, есть какие-то проблемы? – спокойно спросил он.

– Хм, – усмехнулась Виктория, – я думала, что поговорить нужно тебе, и проблемы у тебя.

– Свои проблемы я привык решать сам.

– Значит, они все-таки есть?

– Ты что лезешь не в свои дела, женщина? – вдруг вскрикнул Филипп. От неожиданности Виктория вздрогнула и прикрыла глаза. Он нервно выдернул салфетку из-под воротника, смял ее и, швырнув на стол, манерно встал и прошагал к окну.

– Я проигрался, – нервно произнес он.

– Сколько? – тихо спросила Виктория.

– Этому молодому графу, красавчику, счастливчику, и как там еще его любят называть...

– Сколько? – уже чуть громче переспросила она.

– Ты бы видела его. Красив, молод, силен и горд, а денег...

Откуда у него столько? Ну откуда???

– Сколько?

– Послушай, Виктория, – Филипп подошел к ней и, опустившись на оба колена, взял ее руки в свои, – кроме тебя у меня никого нет. Помоги мне.

– Да сколько же? – вскрикнула Виктория. В эту же секунду Филипп вскочил с колен, что есть силы ударил ладонью по столу и снова отошел к окну.

– Купи мое имение в Москве. Не хочу отдавать его в чужие руки, – вдруг выпалил он.

– Убирайся, – не выдержав собственного любопытства, выдохнула Виктория.

– Двести тысяч! – тут же выдал Филипп.

Виктория закрыла глаза.

– С ума сошел? – еле найдя в себе силы, произнесла она.

– Он выигрывает у всех. Всегда и везде. В любой игре. В карты и в жизни. Я убью его и верну эти деньги, но сначала мне нужно их отдать. Помоги мне.

– Убирайся, Филипп!

– Ты же знаешь, я не уйду от тебя. Поможешь ты мне или нет, я всегда буду любить тебя, – уже спокойно добавил он.

– Этот молодой граф живет в соседнем имении?

– Да, – ответил Филипп и вернулся за стол, – ты с ним знакома?

– Нет, откуда, – растерянно ответила Виктория.

– Ну что, ты купишь мое имение?

– А где ты жить будешь?

– Там же. Мы просто никому не скажем, что в имении другой хозяин, – Филипп нагло улыбнулся.

– Не годится, – твердо ответила Виктория.

– Я люблю тебя еще и за твое упрямство.

Филипп улыбался, как безумец.

– Я тебе помогу. Отдам этот долг за тебя, но...

– Виктория, ты лучшая, я это всегда знал, – снова опу-

стившись перед ней на колени, произнес Филипп, – поэтому помотавшись, я всегда возвращаюсь к тебе, – он взял ее руку и стал лихорадочно целовать.

– Но взамен, – продолжила Виктория, отмахнувшись от него, – промотавшись, в очередной раз, ты не вернешься ко мне.

– Ты что? – удивился Филипп, – Виктория!

– Ты меня слышал. Согласен – я помогу, нет – дело твое!

Филипп улыбнулся. Страшно, холодно. В такой улыбке его лицо становилось беспощадным.

– Как быстро ты забыла, что я для тебя сделал, – прошипел он сквозь зубы.

– Мы оба знаем, что ты чуть не погубил меня! Ты и понятия не имеешь, что мне пришлось пережить после его смерти. Ведь ты же сбежал!

– Тебя бы никто не тронул! Благодаря мне ты богатейшая вдова Франции. Да и России теперь. С таким состоянием, уверен, общество тебя с радостью примет.

– Ты бы хоть спросил, надо ли мне...

– С каких пор богатство тебя тяготит?

– Меня тяготишь ты! – воскликнула Виктория, не выдержав напора Филиппа.

– Даже не думай! – прошипел он в ответ, ткнув в нее указательным пальцем, – я слишком многим рисковал ради тебя.

– Ты хотел сказать ради моих денег?!

– Не смей даже думать о том, что отвяжешься от меня, – холодно проговорил Филипп, – старый герцог так страдал, пока яд разъедал его изнутри...

Его страшный голос прервала звонкая пощечина. Виктория со всей силы ударила его по лицу лишь бы заставить замолчать. Филипп отшатнулся назад, поняв, что перегнул, но было уже поздно.

– Мне следовало всем все рассказать, – проговорила она сквозь слезы.

– Что бы пойти на эшафот со мной? – угрожающе произнес Филипп и снова страшная улыбка скользнула на его губах, – заслуживаю ли я этого?!

Виктория смотрела на Филиппа и понимала, что он не в себе и она боится его. Бесконечные угрозы и, шантаж и теперь эта проблема с денежным долгом, загоняли ее в тупик. Не находя в себе сил разговаривать дальше, Виктория оттолкнула его. Встала и тут же пошатнулась. Дрожь в коленях, мешала твердо стоять на ногах. Филипп проводил ее взглядом, сидя на полу перед опустевшим стулом. Как только дверь закрылась, он с силой ударил по нему кулаком, согнав всю свою злость, а потом беспомощно уткнулся в сиденье головой.

Глава IX

Вернувшись в имение, Иван застал Данту в гостиной. Она сидела в кресле напротив камина держа перед собой книгу. Несколько секунд, воспользовавшись тем, что он не был

замечен, Иван просто любовался ею. Это был тот редкий момент, когда он мог долго смотреть на нее и не отводить взгляд.

Наконец-то он мог рассмотреть ее. Золотистые волосы, длинные, но так искусно собранные на затылке, делали ее немного взрослее. Тонкая шея, маленькие покатые плечи, казались ему такими хрупкими. Это светло-бежевое платье ей безумно шло. Корсет сжимал ее и без того тонкую талию, а ажурное декольте, открывало верх груди. В этот момент, наблюдая за ней, Иван понял, что хочет, чтобы она осталась в этой гостиной, в доме, с ним! Сердце откликнулось на эти, казалось, безумные мысли, и он подумал, что должен сделать первый шаг прямо сейчас.

Данта перелистнула страницу, и ее шуршание вывело Ивана из состояния забвения.

– Я вам не помешаю? – спросил он.

Данта вздрогнула, разволновалась, в руках появилась легкая дрожь.

– Нет, что вы, я уже закончила, – она закрыла книгу и встала с кресла.

– Нет-нет, останьтесь, – попросил Иван, – Вы позволите мне присесть?

– Почему вы спрашиваете? Вы вправе делать все, что вам будет угодно, – не поднимая глаз, ответила Данта.

– Да, но мне неловко. Стыдно за вчерашнее. Прошу вас, присядем. – Он указал рукой на кресло и Данта покорно опу-

стилась в него. Иван сел на диван напротив. Несколько секунд он молчал, подыскивая подходящие слова, но потом просто и от всей души произнес, – прости меня.

– Пожалуйста, граф, – побледнев, перебила его Данта, – не нужно...

– Нет-нет! Просто ты, вы... вы такая красивая, и я...

– Граф, я прошу вас, – Данта была смущена, и уже была готова вскочить и бежать куда глаза глядят, лишь бы прийти в себя, но в этот момент Иван бросился перед ней на колени.

– С тех пор, как я увидел тебя, потерял покой. Я полюбил тебя! – вдруг произнес он.

– Иван Владимирович! – ахнула Данта и закрыла лицо ладонью.

– Посмотри мне в глаза, – попросил Иван и убрал ее руку с лица. Данта не смела поднять глаз, – Признайся, признайся, прошу тебя!

– Я не...

– Признайся, что и ты любишь меня, – Он сжал ее маленькие ладоньки в своих руках и прижал к своей груди.

– Иван...

– Княжна Данта, я прошу вас, стать моей женой!

– Ах... – опять в ужасе произнесла Данта и хотела высвободить от него свои руки, но Иван крепко сжимал их.

– Позвольте мне просить благословения у вашей мамы?

Чувства любви, и страха, что Данта откажет ему, были искренними, но даже они не могли заставить его показать свое

волнение. Он говорил быстро, сжимая ее руки в своих, но несмотря на это, старался казаться спокойным.

– Что вы со мной делаете!?! – еле сдерживая слезы, произнесла Данта.

– Только одно слово, прошу, – настаивал Иван, – скажите мне «да»!

От волнения голова кружилась, Данта закрыла глаза, выдохнула и тихо шепнула:

– Да.

Это «да», вырвалось из ее наивной и детской души, и стало первым ее серьезным шагом во взрослую и полную страстей жизнь Ивана.

– Любимая, – шепнул Иван и быстро поднявшись с колен, подхватил почти невесомую для него Данту на руки, и прижал к себе.

Перед ужином вся семья собралась в гостиной. Елизавета Петровна попросила Данту играть на рояле, та охотно согласилась. Сидя позади, Иван любовался ею со спины. Ему нравилось в ней все. То, как она сидит, как двигает руками. Он рассматривал ее тонкие запястья, маленькие ладошки, изящные пальцы – в уме он уже примерял на них кольцо. Эти мысли вскружили ему голову, он был счастлив. Когда Данта закончила играть, Иван громче всех аплодировал. Потом проводил ее на диван и сел рядом.

– Завтра утром мы уезжаем, – грустно произнесла Елизавета Петровна, – жаль, что приходится говорить об этом в

такой прекрасный вечер.

– Вы гостили у меня всего неделю, – по-детски обиженно, произнес Иван.

– Этого достаточно, – строго ответил Владимир Кириллович.

– Достаточно для чего?

– Иван, сынок, – оживленно вступила мать, – мы с отцом ждем тебя на свадьбе Андрэ.

– Андрей женится? – удивился Иван.

– Да. Надо же кому-то начать, – пошутил Андрей, – я хотел сделать тебе сюрприз, сказать позже, но... Раз уж ты узнал сейчас, буду очень рад, если ты оставишь хоть на недельку свое хозяйство и приедешь.

– Спасибо, – улыбнулся Иван, – конечно, я приеду. Что может быть важнее, чем свадьба брата.

– После Андрея, женюсь я! – сообщил Николай.

– Ну, а ты когда нас порадуешь? – спросила Елизавета Петровна у Ивана.

– Я-то? Прямо сейчас, наверное, – спокойно ответил он и мельком взглянул на побледневшую Данту.

В комнате повисла тишина. Все взгляды были устремлены на Ивана. Он встал с кресла и произнес:

– В присутствии моих родителей я прошу у вас, княгиня Анастасия Павловна, руки вашей дочери! – Иван взял дрожащую руку Данты, встал на колени и стянув Данту с дивана, поставил рядом с собой, – И вашего благословения, мама

и папа.

Еще несколько секунд никто не мог понять, что происходит. Бедная Данта дрожала, как лист на ветру. Елизавета Петровна и Владимир Кириллович не скрывали радостного удивления. Но больше всех удивилась Анастасия Павловна. Ей сразу понравился Иван, в глубине души она хотела, чтобы все вышло именно так, но чтобы так скоро – она не могла в это поверить.

– А ты не терял времени даром, – произнес Андрей.

Сестры Ивана переглянулись, хихикнули. Они были искренне рады за без памяти влюбленную Данту.

– Сынок, – обратилась к Ивану мать, – вы любите друг друга?

– Да, мама, – уверенно ответил Иван.

Все посмотрели на Данту, но она не смогла промолвить ни слова, думая, что вот-вот лишится чувств.

– Иван Владимирович, прошло так мало времени со дня нашего приезда, – напомнила Анастасия Павловна.

– Это не имеет значения! Я полюбил вашу дочь, как только увидел. Я прошу у вас ее руки!

Иван был решителен. Он поднялся с колен и принял свою привычную позу графа, гордого и властного. И несмотря на то, что сейчас он просил, вид его говорил о том, что даже если ему не позволят, он все равно возьмет.

– Данта? – ожидая ответа, обратилась к ней мать.

Вместо этого девушка покорно опустила голову и не под-

нимая глаз сказала:

– Благословите, мама.

– Ну что же, Елизавета Петровна, по-моему, это весьма разумный поступок нашего сына, – вдруг произнес Владимир Кириллович и, подав жене руку, подвел ее к детям.

– Да благословит вас Бог! – радушно произнесла Елизавета Петровна и поцеловала сначала сына, а потом Данту.

– Благослови Бог!

В этот момент отец впервые за все свое пребывание здесь улыбнулся Ивану.

– Хорошо, – вздохнув, произнесла Анастасия Павловна, – я благословляю вас! Но венчание будет происходить не здесь.

– Где вам будет угодно! – сразу согласился Иван. – Я приеду за Дантой хоть на край света!

Глава X

К ужину прибыл приглашенный гость Ивана – Филипп. Несмотря на огромный долг, он вел себя раскованно. Дворецкий проводил его в кабинет. Иван встретил его с радушной, улыбкой, но уверенное выражение лица и нагловатый взгляд не оставляли Филиппу шансов.

– Здравствуй, Филипп Яковлевич! – произнес Иван, направляясь навстречу гостю.

– Не скажу, что тоже рад тебя видеть, – улыбаясь, произнес Филипп. Они дружески обнялись. Лицо Филиппа даже в улыбке имело выражение суровое и дерзкое.

Оба они были высокие, статные. Оба хороши собой. Пожалуй, одним из существенных различий между ними, был возраст. Иван был почти в половину моложе, но уже богат и окружен роскошью, о какой Филипп только мечтал в его годы.

– Я тоже этого не говорил, – отшутился Иван, – проходи, садись.

Они расположились в креслах. Иван позвонил в колокольчик. В комнату тут же вошел дворецкий.

– Вина, – приказал он, – ну, как устроился в наших краях? – поинтересовался Иван, повернувшись к Филиппу.

– Спасибо, хорошо.

– Ты же остановился в соседнем поместье?

– Да. У своей давней знакомой герцогини.

– Я слышал, она переехала сюда совсем недавно.

В это время дворецкий подал вино и, откланявшись, ушел.

– Да, – ответил Филипп, делая глоток, – мм, отличное вино!

– Лучшее! – добавил Иван, не скрывая гордости, – и надолго ты тут?

– Нет. Я приехал просить у тебя отсрочку.

– Ты не укладываешься в срок?

– Да. Возникла одна маленькая проблема.

– Маленькая?

– Конечно, – Филипп занервничал.

– Хорошо. Сколько времени тебе еще нужно, чтобы собрать двести тысяч?

– Деньги у меня есть, – неуверенно произнес Филипп, не желая казаться не состоятельным.

– Да я не тороплю тебя, – упиваясь победой, сказал Иван, – просто через месяц мне придется уехать.

– Да, я понимаю. И надолго?

– Нет. Я еду на свадьбу.

– Чью?

– Свою!

– Ты женишься???

– Давай, друг, – Иван поднял бокал с вином, – за мою новую жизнь!

– Да ты, я смотрю, счастлив, – с завистью произнес Филипп, и чокнулся с Иваном. Они сделали по глотку и оставили бокалы, – деньги тебе нужны к свадьбе?

– Нет. У меня есть сбережения для свадьбы. На те деньги, что должен мне ты, я куплю имение в Москве, и подарю его своей будущей жене.

– Как ее зовут? – не выдержав, спросил Филипп.

– Данта!

– Красивое имя!

– Ты бы видел ее!

– Могу ли?

– Конечно! За ужином ты познакомишься с ней и с ее матерью, а также с моими родителями, сестрами и братьями, –

радушно ответил Иван.

– Спасибо. Буду очень рад, – сгорая от любопытства, согласился Филипп.

– Завтра они уезжают.

– Почему так скоро?

– Все дела, – философски произнес Иван, – завтра в деревне праздник. А у себя в имении я устраиваю театральное представление, после будет фейерверк, многое другое. Я был бы рад видеть тебя.

– Любопытно. Я много слышал о том, какие гулянья устраивает молодой граф Долгов, – со смесью зависти и восторга произнес Филипп.

– Кстати, герцогиню, у которой ты остановился, я тоже буду рад здесь видеть. Будет много гостей. Думаю, ей не придется скучать.

– Спасибо. Герцогиня – вдова, она с радостью примет твое приглашение.

– Отлично! Значит, завтра я жду вас, а сейчас, прошу к ужину! – предложил Иван и поднялся с кресла. Филипп оставил бокал с вином и пошел за ним.

В имение герцогини Виктории, Филипп вернулся поздно, но хозяйка ждала его. Распивая вино и куря тонкую сигарету через мундштук, она лежала на мягких подушках небольшого дивана.

– Все еще не бросила? – спросил Филипп, войдя в гостиную.

Он снял перчатки и выходной сюртук. Почему-то ему хотелось поскорее освободиться от верхней одежды. Он растегнул рубаху и вздохнул полной грудью.

– Ну, как прошел ужин? – хитро прищуривая глаза, спросила Виктория.

– Отлично! – ответил Филипп, но по его голосу чувствовалось, что это не так.

– Что-то не похоже, – протянула Виктория со всей присущей ей дальновидностью, – дела-то у тебя не ладятся.

– Справлюсь, – буркнул Филипп и опустившись в кресло напротив Виктории, устало откинулся на спинку.

– Устал? – сделав еще глоток, спросила Виктория.

– Может, хватит на сегодня? Ты пьяна, – Филипп привстал и, дотянувшись, забрал у Виктории бокал. Потом затушил ее сигарету и вернулся в кресло.

– Не пытайся сделать вид, что у тебя все хорошо. Это не так! Я тут навела кое-какие справки о цене твоего поместья в городе...

– И что? – безразлично, спросил Филипп.

– Девяносто тысяч, – рассмеявшись, ответила она, – это все, что ты можешь с него получить.

– Не суйся не в свое дело, – растерянно сказал Филипп, но Виктория продолжала издевательски смеяться над его безысходностью.

– Какая же ты дрянь! – закричал Филипп, вскочив с кресла.

– Так брось меня, – вмиг успокоившись, предложила Виктория и, скинув с себя плед, встала с дивана.

– У нас с тобой слишком много секретов, чтобы бросать друг друга.

Филипп подошел к Виктории, хотел обнять, но она гордо оттолкнула его руки.

– Подумал над моим предложением?

Филипп изменился в лице. Мысли о расставании с Викторией тяготили его.

– Я не оставлю тебя, – твердо сказал он и повернулся к столику, на котором стоял коньяк и фрукты. Он налил себе рюмку коньяка и выпил. Потом отломил кисть винограда и не спеша подошел к окну.

– Завтра граф устраивает в своем имении праздник. Он пригласил нас обоих.

– Что значит обоих? – удивилась Виктория.

– А то и значит. Там будет весь свет. Он хочет, чтобы и ты не отказала ему в присутствии.

– Он интересовался мной? – глаза Виктории зажглись огоньками радости.

– Нет, – холодно ответил Филипп, – ты бы видела его будущую жену! – ей всего шестнадцать!

– Будущую жену? Он что, женится? – Виктория сама не понимала, почему эта тема так волнует ее.

– Да. Ему и в этом повезло, – с досадой в голосе проговорил Филипп, – Красивая жизнь! Красивая жена! Все самое

лучшее окружает его, – Он доел виноград и откинул ветку на столик, – помоги мне, черт возьми! – вдруг вскрикнул он.

– Помогу, – согласилась Виктория, – но взамен... Ты уедешь навсегда.

– Виктория, но почему? – Филипп подошел к ней и хотел дотронуться до ее лица.

– Убери руки, Филипп, – отмахнулась она.

– У тебя есть любовник?! – прокричал он и ухватил ее за локоть. Виктория незамедлительно ответила пощечиной.

– Шлюх своих трогать будешь, а меня не смей! – вскрикнула она, – у тебя же нет никого. Тебя и искать не станут, – угрожающе произнесла она и хотела уйти, но Филипп задержал ее за руку.

– Я люблю тебя, – шепнул он. В его глазах, мелькнул страх потерять ее.

– Мое представление о любви немного иное. Ты прав, у нас с тобой есть секреты, но не любовь.

Виктория отдернула руку и вышла из комнаты.

Глава XI

У главного входа в поместье графа с утра стояли два экипажа. Лакеи уже ждали господ. Иван и Андрей заперлись в кабинете.

– Вот, я выписал вексель на четыреста тысяч, – Иван положил на стол желтоватый лист бумаги и подписал его на глазах у удивленного Андрея, – Когда я приеду за Дантой в Москву, мы обналичим его. Этого хватит, чтобы вы с Нико-

лаем переехали во Францию и устроили там свои судьбы.

Андрей смотрел на Ивана и не верил своим глазам.

– Это большие деньги!

– У меня они есть. Положение в поместье хорошее. Земли здесь плодородные. По осени я ожидаю хороший урожай. Поэтому я не буду нуждаться. А вам в Париже будет не так легко.

– Как только я смогу. Мы с Николаем... мы все вернем.

Андрей был взволнован. Он испытывал и благодарность за щедрость брата, и стыд за свои давние поступки. Иван аккуратно сложил вексель и подал Андрею.

– Благодарю тебя, – растерянно проговорил Андрей.

Иван дружески похлопал брата по плечу.

– Помни, жениться нужно по любви!

– Это вопрос решенный, – с сожалением ответил Андрей.

– Что ж.

Иван крепко пожал руку брата и вышел из кабинета. Он поднялся в комнату матери. Она ждала его. Ей хотелось еще немного побыть с ним наедине.

– Может, останешься, – попросил Иван. В глубине души он надеялся на чудо, но чудо все не происходило.

– Сынок, – нежно дотрагиваясь до его лица ладонями, вздохнула Елизавета Петровна.

– Прости меня.

– За что?

– За все, – Иван взял ладони матери в свои руки и, поце-

ловав их, продолжил, – за то, что растратил много времени
вдали от тебя.

– Ну что ты, сынок! Ты устроил свою жизнь просто замечательно! Я горжусь тобой!

– Останься, – снова попросил Иван.

– Ну, полно. Скоро ты женишься, у тебя такая красивая жена, – не зная, что ответить, Елизавета Петровна перевела тему разговора на приятную для него.

– Я счастлив. И кажется, впервые влюблен.

– Вы так мало знаете друг друга...

– Я понял это, когда поцеловал ее в саду...

– Иван?!!!

– Не смог сдержаться, – ответил Иван и улыбнулся.

– Я так рада за вас с Дантой. По-моему, она тоже влюблена.

– Я не хочу с ней расставаться.

– Это ненадолго. Будь сильным, таким, как был всегда.

– Конечно. Мне по-другому ни как, – он повеселел и улыбнулся.

Их разговор прервал стук в дверь.

– Да, – ответил Иван.

В дверь вошла Алена.

– Все собрались у экипажа. Граф Владимир Кириллович, просили поторопить – доложила она.

– Пора, – улыбнулась графиня.

Спустившись к экипажу, Иван обнаружил, что там нет

Данты.

– А где княжна? – спросил он.

– Она вернулась в комнату. Забыла что-то, – ответила Алена.

– Я помогу ей, – бросил Иван и быстро вернулся в дом.

Он вбежал вверх по лестнице и даже не постучав, влетел в комнату Данты. Ворвавшись, Иван чуть не сбил ее с ног и тут же подхватив за узкую талию, пока еще она не пришла в себя, поцеловал в губы. Так жадно, словно опять забыл, что перед ним робкая Данта, которая боится его. Развернувшись, Иван прижал ее своим телом к двери. С ее губ сорвался стон. Иван зажмурил глаза и чтобы остановиться, крепко обнял ее и уткнулся в ее плечо.

– Я люблю тебя, – тихо шепнул он.

– Пообещай, что будешь любить меня всегда.

– Всегда, Данта! Всегда!

Прощание у экипажа затянулось. Несмотря на все огорчения, причиненные братьями Ивану, он был сдержан и улыбчив.

– Сегодня в имении праздник, останьтесь, – в последний раз попросил Иван.

– Нужно ехать, – с сожалением произнес Андрей, – мы еще увидимся. Спасибо за все!

– Конечно, – ответил Иван и, пожав друг другу руки, они обнялись. Счастливая мать улыбнулась.

– До встречи, Николай, – первым произнес Иван, и про-

тянул руку.

– Увидимся, – буркнул Николай, не поднимая глаз, и, приобняв брата, сразу ушел в экипаж.

– Анна, Катерина, – Иван обнял сестер, – будьте умницами.

– Ты приедешь? – со слезами на глазах спросила Катерина.

– Конечно, – ответил Иван.

– Скоро?

– Очень.

– Привези мне подарки, – по-детски попросила она.

– Конечно, что хочешь?

– Я тебе напишу, – она поцеловала Ивана в щеку и села в экипаж.

– Приезжай поскорей, больше разлуки с тобой я не выдержу, – сказала Анна и обнялась с братом.

– Больше мы не разлучимся, – успокоил ее Иван.

– Я тебя очень люблю.

– И я тебя, моя маленькая сестренка.

Иван помог Анне сесть в экипаж.

– Анастасия Павловна, – поцеловав ее руку, почтено поклонился Иван.

– Спасибо за гостеприимство граф. Я была приятно удивлена, – призналась княгиня.

– Всегда буду рад видеть вас в своем доме!

– Что же, теперь мы ждем в гости вас.

– Я приеду за вашей прекрасной дочерью!

Иван взглянул на Данту. Скромно опустив глаза, она стояла чуть в стороне. Он вдруг вспомнил то, что произошло между ними только что в доме. К груди прихлынул жар, сердце забилося чаще. Он почувствовал сильное возбуждение и тут же одернул себя в мыслях, чтобы не выдать своего состояния.

– Спасибо вам, что на этом свете есть Данта.

– Я и представить не могла, что Господь наградит мою дочь таким хорошим человеком, – растрогавшись, произнесла Анастасия Павловна. Она поцеловала его в лоб, – до встречи!

– До встречи, – ответил Иван.

Он помог Анастасии Павловне сесть в экипаж и, подойдя к Данте, сдержанно поцеловал ее руку. Не сводя с нее глаз, Иван усадил ее в экипаж к сестрам и, сделав над собой усилие, закрыл за ней дверь.

– Ну, что ж, отец, – вздохнув, сказал Иван, – Так долго мы к этому шли и так быстро прошли мимо.

– Жизнь не стоит на месте, – ответил Владимир Кириллович.

– Да, понимаю, у вас дела, они не ждут.

– У нас еще будет время поговорить, увидимся дома.

– Мой дом здесь.

– Что ж, ты сделал свой выбор. Значит, будем ждать не домой, а в гости. – Владимир Кириллович грубо хлопнул сына по плечу. – Увидимся, – и пошел в экипаж.

– Я буду скучать, мама, – произнес Иван и обнял ее.

– И я.

– Елизавета Петровна, нам пора, – тут же сказал Владимир Кириллович.

– Остайся, – еще раз попросил Иван.

– Не могу.

– Я так долго ждал этой встречи.

– Прости, сын.

– Елизавета Петровна, – прикрикнул Владимир Кириллович.

– До встречи! – поцеловав Ивана в лоб, сказала она и пошла к своему мужу. – Так нельзя, – упрекнула она, поднимаясь по ступенькам экипажа. Владимир Кириллович демонстративно отвернулся.

Первый экипаж тронулся. Иван проводил их взглядом. Когда он увидел красивое и грустное лицо Данты, которое пронеслось мимо, сердце его вновь забилося чаще. А потом, во второй повозке, Иван увидел доброе лицо матери, ее прощальный взгляд. В этот миг он понял, что его жизнь изменилась. Как прежде, уже никогда не будет.

Вскоре вдали растворился шум подков, цокающих о выложенную из камня дорожку, а через несколько минут из вида исчезли и сами повозки.

Иван еще долго стоял у ворот, продолжая смотреть вдаль, туда, где скрылись лихие кони, так быстро умчавшие от него его, как ему казалось, счастье и любовь.

Слуги разошлись по дому, занялись своими делами, приготовлениями к большому приему, который должен состояться этим вечером.

Сразу после отъезда Иван ощутил пустоту. Не стало слышно бесконечных споров братьев, недовольного ворчания отца, неумолкающих обсуждений Анны и Катерины. Не слышно рассказов Анастасии Павловны и доброго смеха ма-тушки. А самое главное, не украшала больше этого дома юная девушка с большими голубыми глазами, чистыми и бездонными, как само небо. Здесь теперь не хватало Данты!

ЧАСТЬ III

Глава I

Дом был наполнен знатными гостями. Шампанское лилось рекой. Повсюду слышался смех женщин и споры мужчин. По гостиной разносилась веселая музыка и статные господа неумоимо кружили прекрасных дам то в вальсе, то в кадрили. К ночи разгулявшиеся гости перешли на мазурку и котильон, где могли позволить себе шуточные игры. Несмотря на то, что на сердце было тяжело и горечь разлуки не могли перебить даже вкусные вина и прекрасные дамы, Иван старался улыбаться.

Среди гостей он видел королеву праздника – Викторию. Едва появившись, она обратила на себя взоры гостей и была в центре внимания весь вечер. Иван сразу узнал в ней ту изысканную даму с перрона. Шлейф уже знакомого парфю-

ма вновь очаровал его. Он узнал в ней ту лихую наездницу, настигнувшую его ночью в лесу. Ее чарующий голос и властный смех он бы не спутал ни с каким другим.

Филипп представил их друг другу, но несмотря на свой интерес к Ивану, Виктория избегала его. Едва граф приближался к ней, герцогиня находила повод, чтобы отдалиться. Несколько раз отказывалась танцевать с ним. С первого взгляда она увидела в нем охотника и сразу поняла, что граф не знает слова «нет», а если ему отказать, он не остановится пока не добьется своего. А ей хотелось именно этого, чтобы он добивался ее.

Она украдкой наблюдала за ним. Иван нравился ей все больше и больше. Несмотря на то, что он был моложе Виктории на десять лет, этот красивый, смелый и сильный юноша по-настоящему взволновал ее. Даже несмотря на это, она по-прежнему сторонилась его. Ивана забавляло наигранное безразличие Виктории, но быть навязчивым он не хотел. К тому же этой ночью, ему совсем не хотелось быть графом. Чтобы забыть о недавнем расставании, он предпочел настоящий, кипящий кровью и греющий его свобододолюбивую душу праздник, такой, какие бывают среди бедных крестьян.

Иван убедился, что у гостей есть все, что они желают – вкусные угощения, шампанское и развлечения. И когда началось театральное представление, в котором были задействованы гости, что сильно их увлекло, он незаметно ускользнул. Иван снял с себя праздничный сюртук, оставшись в привыч-

ных штанах, высоких сапогах и белой рубаше, вскочил на коня и помчался в деревню.

Никто не заметил его отсутствия. Никто, кроме Виктории. Она быстро освободилась от назойливого Филиппа и подождала к себе Люси. Виктория что-то шепнула ей на ухо и вместе они быстро вышли из главных дверей дома. Их экипаж сразу подъехал.

– Куда направился граф? – спросила Люси у своего кучера. Виктория спешно села в карету.

– Туда, – указав рукой в сторону деревни, ответил извозчик.

– За ним, быстрее, – скомандовала Виктория.

Люси села рядом со своей госпожой. Извозчик прихлестнул лошадей и помчался за Иваном.

В деревне праздник был в самом разгаре. Те, кто постарше, предпочитали застолье. Молодые девушки в нарядных сарафанах, с большими венками из полевых цветов и юноши в расшитых рубахах собрались у костра, у которого под веселую музыку водили хороводы.

Граф въехал в главные ворота, и тут же раздались радостные приветственные крики. Иван спрыгнул с коня, передал поводья в руки Данилы и, улыбаясь, направился к столу.

Крестьяне поднялись и поклонились графу. Он тут же махнул рукой, чтобы все сели.

– Сынок, – обняв его, произнесла Тая, – пойдем к нам.

– С удовольствием, – ответил Иван и сел за стол.

Ему сразу налили вина. Руками, без ножа, вилки и других столовых приборов, он отломил себе кусок зажаренной курицы. Женщины тут же заняли его веселой болтовней. Иван смеялся и дружелюбно общался с крестьянами, но вдруг музыка стихла. Он повернулся в сторону костра и увидел, как к крестьянам, которые играли на разных инструментах подсел какой-то здоровый парень. В руках он держал барабан. Парень сел поудобнее, и застучал по нему. Музыканты подхватили ритм и стали подыгрывать. С первых звуков, Иван услышал какую-то незнакомую, загадочную и пленяющую мелодию. Все стояли возле костра, но никто не танцевал. Ивану стало интересно, что там происходит. К этому времени музыка становилась все быстрее, энергичнее. Она отзывалась в какой-то дикой части его души. Она словно призывала высвободиться, и ему захотелось танцевать под эти ритмы.

В голове почему-то промелькнули мысли о той девушке на дороге, потом вспомнилась беглянка на другой стороне озера. Слова деревенских о ведьме и вновь молодая девушка, теперь уже в доме у Таи, и ее браслет из черных бусин на руке.

Иван подошел к толпе и стал пробираться сквозь нее. Он понял, что началась игра. Молодой парень выбрал девушку и надел ей на шею сплетенный из цветов венок. Такой же венок девушка надела на другого паренька, стоявшего рядом с Иваном. Те, на ком надеты эти венки, должны были выйти из хоровода и танцевать в кругу.

Хоровод снова закружил. Иван увидел, как под неистовые звуки барабанов и других инструментов в круг вышла выбранная девушка в длинном сарафане и цветочным венком на шее. Она была гибкая и двигалась плавно, как вода. Стройная, дерзкая и жгучая, как сам огонь, у которого она танцевала. Подходя к костру близко, она не боялась обжечься, и словно сливалась с языками пламени. Под расстегнутыми пуговицами на сарафане девушки блестела мокрая грудь. В разрезах длинной юбки выступали сильные бедра.

Парень весело рванул в круг, но тут же могучая рука Ивана остановила его. Он повернул паренька к себе и, быстро сняв с его шеи венок, надел его на себя. Парнишка покорно поклонился графу и вклинился в хоровод, а Иван сделал шаг в сторону девушки и замер, наблюдая за ней. Ее страстный танец возбуждал и обжигал сильнее огня, что горел, освещая ее тело. Она не была похожа ни на одну из деревенских девушек. Она была другая. Когда она подняла обе руки вверх, Иван увидел тот самый маленький, браслет из черных бусин.

– Ёшка! – громким шепотом, восторженным, из самой глубины своих тайных желаний, произнес Иван.

Его шепот разнесся страстным эхом, и Ёшка услышала его, но не ушами, а каждой частичкой своего горячего тела. Она резко оглянулась в его сторону. Длинные, густые волосы разлетелись и легли ей на плечи и грудь. Зоркие, черные глаза вонзились в Ивана, коварная улыбка скользнула по пухлым губам, она была рада видеть его здесь.

Как околдованный, Иван перестал видеть и слышать, все вокруг. Казалось, что под чарами девушки их все перестали видеть. Хоровод кружил все быстрее и быстрее, повсюду слышался смех. Но Ивану казалось, что у костра остались только одни они.

Не сводя глаз с девушки, Иван медленно пошел к ней. Чем ближе становились их тела, тем жарче и волнительнее было им обоим. Даже когда Иван находился на расстоянии вытянутой руки, Ёшка продолжала исполнять свой страстный танец, который был уже только для него одного. Они смотрели друг на друга, наконец, их тела соприкоснулись, и Иван не выдержал и дотронулся сначала до ее плеч, потом его напряженные руки скользнули вниз по ее рукам. Иван тихо сглотнул сухим горлом и обнял Ёшку. Страсть брала свое, им обоим было этого мало. Иван властно притянул ее гибкое тело к себе и, прижавшись к ней, сразу почувствовал ее упругий живот и грудь. Наконец-то он выдохнул. Именно этого он желал. Иван почувствовал, как ему хорошо сейчас. Голова кружилась не от выпитого вина, а от чувств и желания переполнявших его. Становясь словно единое целое, они танцевали у всех на глазах, не стесняясь, и не скрывая вспыхнувшей страсти друг к другу. Иван был безумен, но именно в этот момент он испытал истинное наслаждение.

Карета Виктории остановилась у въезда в деревню. Никто не обратил на нее внимания. Виктория открыла дверцу и, ступив на подножку, поднялась чтобы увидеть, что же там

происходило. Едва поднявшись, она застыла от неожиданности. Она увидела Ивана и красивую девушку в середине круга. Как сплетались их руки, как прекрасен был их танец, как он возбуждал и манил.

Боясь, что ее заметят, Виктория быстро вернулась в карету. Из-за приоткрытых штор они с Люси продолжали наблюдать за происходящим. Виктория не могла отвести глаз от Ивана и той смуглой девушки, которая так свободно ласкала графа.

В ее широко открытых глазах, отражаясь от костра, плясали огни, а на обеих щеках блестели слезы.

II глава

Иван не заметил приближения рассвета. Только когда все совсем стихло, и они с Ёшкой остались одни, он понял, что эта невероятная ночь закончилась.

Они сидели за пустым столом. Иван гладил ее красивые волосы и убирал их пряди ей за уши.

– Откуда имя у тебя такое? Ёшка!

– Меня назвали в честь реки, у которой я родилась. Ёшка – тихая и спокойная река, – ответила девушка.

Голос ее был низкий, с каким-то приятным шепотом, и в то же время звучный и ласкающий слух.

– Ты совсем не такая, – улыбаясь, произнес Иван.

– Это потому что истоки ее тихи, а впадает она в озеро Великое!

Иван без стеснения рассматривал ее. Ёшка позволяла ему.

Тыльной стороной ладони он провел по ее щеке, коснулся тонкой шеи, перевернул ладонь и запустил ее в густую копну волос. Ее рубашка сползла, оголив плечо. Ёшка хотела поправить ее и тут Иван увидел у нее на руке запомнившийся ему браслет из бусин.

– Дай мне, – неожиданно, Иван сдернул его с руки девушки.

– Это оберег. Пока он с тобой, ты будешь под моей защитой. Возьми!

Ёшка с легкостью рассталась с ним. Иван был удивлен.

– А кто тогда защитит тебя?

– От кого мне защищаться? – Ёшка наклонилась к его уху, – светает. Мне пора.

– До рассвета еще далеко, – не желая отпускать ее, сказал Иван, – сегодня я вдоволь на тебя насмотрелся.

– Тебе тоже пора к твоим гостям, – напомнила Ёшка.

– Им и без меня хорошо. Пойдем со мной, – Иван потянул ее за руку.

– Куда? – спросила она, но не сопротивлялась.

– Доверяй своему графу.

Его голос манил. Ёшка чувствовала его волнение и как тяжело он с ним справляется. Но несмотря на это, Иван точно знал чего хотел.

Он привел ее в конюшню. Быстро пробежав вдоль всего ангара, они спрятались в самом последнем, пустом стойле, там, где их никто бы не видел. Иван закрыл за собой дверь

и повернувшись, словно взглянул на Ёшку по-другому. Он увидел перед собой не простую босую, деревенскую девку, а красивую и гордую женщину.

От бега она тяжело дышала, грудь поднималась и опускалась в такт ее дыханию. Иван осмотрел ее с ног до головы, почувствовал в себе прилив силы и страсти. Он подходил к Ёшке, пока не прижал ее всем своим телом.

– Не привык, ваше сиятельство, когда вам отказывают? – вдруг спросила Ёшка.

– Откажешь ли?

– И не таким отказывала, – гордо ответила Ёшка, но Ивана не оттолкнула.

– Я никогда не принуждаю женщин, – он опустил руки, но его взгляд все еще бегал по ее губам, шее, красивой груди. Ёшка видела, с каким трудом Иван сдерживает себя.

– Незачем, – согласилась она, – Кто откажет барину, да еще такому?! Любая согласна переспать с тобой, стоит тебе поманить.

– Чего добиваешься, Ёшка? – спросил Иван, – хочешь, чтобы я поманил?

– Ты уже это сделал. Привел меня сюда. Разве нет?

– Так чего же ты добиваешься?

– Я не любая, – гордо ответила Ёшка, – хочу, чтобы это понял ты.

– Тогда уходи.

Иван сделал над собой титаническое усилие и, отойдя от

девушки, освободил ей дорогу.

– А жалеть не будешь, граф? – улыбнулась Ёшка.

Иван вдруг задумался, а потом, нежно взяв ее за голову, провел руками по волосам, вдохнул их запах и сказал:

– Как хорошо, что ты не та... не очередная... не любая. Я бы теперь не смог с этим жить. Ведь я теперь, люблю мою Данту, – он опустил руки и хотел уйти.

– Эта любовь пройдет, – произнесла Ёшка, – потому что это не любовь вовсе!

– Такие чувства не проходят, – повернувшись, ответил Иван.

– Страсть все равно возьмет свое. Она будет брать над тобой верх снова и снова.

– В Данте я нашел свое спокойствие.

– Скоро ты поймешь, что оно не для тебя, – голос Ёшки был сильным и уверенным.

– Все, что мне сейчас нужно – это чтобы у меня была семья – моя жена и мои дети, – ответил Иван.

– Как жаль, – покачав головой, произнесла Ёшка, – мой граф. Но у тебя никогда... не будет детей!

– Ты что такое говоришь?! – вспылил Иван.

– Сейчас ты зол, но пройдет время, и ты вспомнишь меня и мои слова, – быстро проговорила Ёшка.

– Какая чушь! У меня будет только одна женщина – моя жена Данта, и она родит мне много сыновей, пройдет время и ты, – выделил Иван, – вспомнишь мои слова.

– Жена у тебя будет одна, но женщин, – Ёшка усмехнулась, – много.

– Это мужские слабости...

– Каждая твоя слабость внесет в твою жизнь свой вкус. Ты узнаешь, насколько он может быть разным. Сладким, как молодой мед, вкусным, но много ли меда сможешь съесть, граф? Им ты быстро пресытишься. А еще, выдержанным, как хорошее вино. Выпить его можно много, но когда хмель пройдет – останется только головная боль.

– А еще?

– А еще есть вкус, ни на что не похожий. Он не ведом тебе ранее. Его ты не знаешь, потому как еще не пробовал, – страстно шептала Ёшка, глядя прямо в его глаза, – настоящий, как глоток свежего воздуха, как глоток прохладной воды, как то, без чего ты, граф, не можешь жить. Он – твоя свобода!

Несколько секунд Иван молчал. Он не мог поверить, что эта молодая и незнакомая ему девушка так знает его жизнь.

– Все загадками говоришь.

– Все ясно, как день. Только настанет пусть, и ты все поймешь.

– Мне надоело слушать эту чушь, уходи, – Иван открыл дверь в стойле и отошел в сторону, дав понять, что больше он ее не держит, – слишком болтливые вы стали в дальней деревне. Графа своего совсем не чтите. Навестить бы вас надо.

– Я не из дальней деревни. Меня просто так не наведишь,

– улыбаясь и нисколько не боясь Ивана, ответила Ёшка, и вышла из стойла.

Иван с досадой проводил ее взглядом, но вдруг она повернулась и сказала:

– Не веришь мне? А ведь я как скажу, так и будет! Скольким говорила, все правдой вышло!

– Колдунья ты, что ли? – усмехнулся Иван, – Ведьма?

– А хоть и ведьма, – отшутилась Ёшка.

– Не верю я в это.

– А в сны свои тоже не веришь?

В ее глазах в этот миг расплясался огонь, она обнажила ровный ряд зубов в хитрой улыбке. Иван смотрел на ее красивое лицо и все время спрашивал себя: кто она – эта девушка, что так ловко пленит его?

– Как по лесу бежишь, как зовет тебя кто? – продолжала Ёшка.

– Да что ты об этом знаешь? – уже всерьез вспыхнул Иван. Он быстро обошел дверцу стойла и ухватил Ёшку за руку выше локтя.

– А как конь твой в лесу перед видением на дыбы встал, тоже забыл? – продолжала Ёшка, ничуть не боясь хозяина. Едва она проговорила это, как конь в последнем стойле заржал и беспокойно замялся на месте.

Иван оглянулся на миг и выпустил руку Ёшки, а когда тут же повернулся, перед ним уже никого не было, а Ёшка была уже у входа в начале ангара.

Иван остолбенел. Невозможно, в одно мгновение пройти такое расстояние. Его глаза округлились, от удивления он пошатнулся, но быстро пришел в себя и поторопился за ней. Ёшка зашла за угол ангара, а когда Иван выбежал на улицу, там уже никого не было.

Не в силах поверить своим глазам, он метался туда-сюда, ища взглядом девушку, но ее и след простыл. В деревне тихо. Из большой кучи пепла струился дымок, а ветер доносил приятный, наполненный травами запах.

– В усадьбу, барин? – спросил Данила. Он незаметно подошел сзади и подвел его коня.

– Да, – растеряно ответил Иван.

Он взял коня под узду и повел его по дороге. Иван был грустен и задумчив. Он пытался осмыслить минувшую ночь, но в голове кружились три имени: Данта, Виктория и Ёшка. Его сердце откликалось на каждое из этих имен. И с каждой секундой это становилось все невыносимее.

Иван остановился, перекинул поводья через голову коня и, вскочив в седло, крикнул:

– Ну, черный мой непокорный, давай, развей меня Ветер, давай! – и прищпорив его, поскакал галопом.

Гости в усадьбе Ивана разъезжались. Несколько слуг под руки заволокли Филиппа в повозку и усадили его там. Напротив сидела Виктория. Ей было все равно, что происходит с ним, ее волновало другое. Иван въехал на коне во двор, успел поклониться нескольким хмельным и вдоволь нагу-

лявшимися гостям, но не спешил спешиваться, и быстро объехал все экипажи. Наконец-то нашел нужный. Из него доносился невменяемый лепет Филиппа.

– Да молчи ты, – злобно сказала Виктория и свалила его на бок. Он замялся и утих. – Извозчик, трогай!

Экипаж тронулся. Иван ехал рядом с окном Виктории, нагло заглядывая в него. Их взгляды встретились, и он склонил голову в знак уважения к герцогине. Виктория была потеряна, ей было непонятно, почему она ревнует молодого графа, почему он уехал, поменяв все на ту бесстыжую девку. Ее душила обида на Ивана, но показать этого она не могла. В ответ на его поклон, она прикрыла глаза и слегка кивнула головой, заставила себя улыбнуться, а потом отстранилась от дверцы так, чтобы Иван больше не мог ее видеть.

– Предпочел девку! Черную, как ведьма, – говорила она со злобой. Люси сочувствовала своей госпоже и держала ее за руку.

Иван проводил карету до ворот, и еще некоторое время смотрел ей вслед.

– Жаль, что у меня не хватило на тебя времени, Виктория, – сказал он вслух, – но у меня оно еще будет. Посмотрим, настолько ли ты недоступна, как о тебе говорят.

Глава III

Когда гости разъехались, серость уже рассеивалась. Утро становилось цветным, но солнце все еще лениво потягивалось, не торопясь всходить.

Иван вошел в гостиную, в ней горел свет, а многочисленная прислуга суетилась, убирая праздничные столы.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила Алена.

– Нет, я хочу спать, – ответил Иван и пошел вверх по лестнице в свою комнату.

Он выглядел уставшим, эта веселая ночь утомила его. Проснулся Иван только к обеду и с огромным чувством голода. Спустившись в гостиную, обнаружил идеальный порядок и чистоту.

– Добрый день, – поздоровалась мадам Марин. Она, как обычно, была строга и чем-то недовольна.

– Добрый, добрый, – ответил Иван и направился к выходу.

– Вы не будете обедать?

– А где Алена?

– На кухне.

– Пусть подает, – скомандовал Иван и вышел на террасу.

Первые дни лета радовали своей красотой. Далеко в поле уже трудились крестьяне, после веселого праздника они вновь принялись за дело.

Иван окинул взглядом свои необъятные владения, вид на которые открывался ему с террасы. От зеленой долины и цветущих лугов, дальше на поля и лес, который уходил за линию горизонта.

– Обед подан, – объявила мадам Марин.

– Благодарю, – ответил Иван и дождавшись, пока она уйдет, пошел в столовую.

От сильного чувства голода запах жаркого казался ему еще аппетитнее. Он окинул голодным взглядом стол и сев за него, быстро принялся за еду. Но наслаждался ею недолго, вскоре его трапезу прервала Алена:

– Ваше сиятельство, вам письмо, доставил лично поручик.

– Проси!

В комнату вошел высокий, статный мужчина в мундире. Он вытянулся, потом поклонился графу и со всей важностью громко произнес:

– Письмо от советника Великого Государя, Петра Васильевича Шаповалова! – объявил он и протянул конверт.

Иван взял письмо в руки и не зная, чего ожидать, не спешил его развернуть. Несмотря на неожиданность, Иван был рад слышать произнесенное имя. Он улыбнулся.

– Благодарю! Алена, вели поручика накормить и дать отдохнуть с дороги!

– Благодарю, ваше сиятельство, – поручик резко кивнул головой и вытянулся.

– Прошу вас, – пригласила Алена.

Молодой мужчина ушел вслед за ней. Проводив его взглядом, Иван вернулся за стол.

– Не забыл своего старого друга, – произнес он вслух и вскрыл скрепленный печатью конверт.

Когда-то много лет назад, когда Иван впервые оказался в далекой Франции один, без связей и круга общения, именно Петр Шаповалов был первым, кто помог Ивану, пятнадца-

тилетнему юноше, как можно быстрее влиться в непростой студенческий уклад жизни парижан.

Будучи старше Ивана почти на пятнадцать лет, Петр взял шефство над юным Иваном. Вместе они проводили много времени, путешествовали по Европе. Иван даже жил в доме Петра и его молодой жены, француженки, некоторое время, что сильно сблизило их. После отъезда Ивана, Петр лишь раз навещал его в этом имении. Больше лично они не встречались и даже на некоторое время утихла их переписка.

Узнав, что письмо от Петра Васильевича, Иван обрадовался, но зная, что он сейчас при дворе занимал большой чин и был приближен к Великому Государю, Иван насторожился.

«Уважаемый граф, Иван Владимирович, надеюсь, вы в добром здравии, а посему имею надежды на ваше скорейшее прибытие в Петербург. Вы имели смелость отказать мне уже дважды. На этот раз, я ваш отказ сочту за неуважение. Прошу прибыть к началу следующей недели.

Граф, Петр Васильевич Шаповалов.»

– С чего вдруг такая спешка? – произнес вслух Иван, – я не планировал так скоро поехать в Петербург, но видно судьба сама сближает нас с тобой, Данта, – рассуждал он, – значит, совмещу эту поездку с нашим венчанием.

Иван откинул письмо на стол и уткнулся лбом в ладонь. Тяжело и задумчиво вздохнув, он протер уставшие глазиками пальцев. Ему не давала покоя мысль о том, что рань-

ше у Петра не было причин для такой спешки. В мыслях Иван перебирал все возможные варианты, но ни один из них так и не показался ему убедительным.

– Алена, – крикнул он.

Тут же в комнату вошла Алена и присела в полупоклоне.

– Да, ваше сиятельство.

– Горбуна ко мне, быстро!

– Слушаюсь.

Иван откинулся на спинку стула. Есть ему уже не хотелось. Из конюшни галопом выехал Данила и помчался в дальнюю деревню. Там жил верный слуга Ивана – Горбун. Он много раз помогал своему графу, за что всегда был щедро вознагражден.

– Ждать ли к ужину, ваше сиятельство? – поинтересовалась Алена у выходящего из столовой хозяина.

– Я буду поздно, – ответил Иван.

На заднем дворе его уже ждал Никита. Он держал Ветра, который нервно топтался на месте.

– В поле, барин? – поклонившись, спросил он.

– Да.

– Сегодня погонщики недосчитались двух овец, надо бы разобраться.

– Вот и разберись, – вскочив на коня, сказал Иван. Он резко дернул коня за повод, развернул его и добавил, – Управляющий ты или нет?

Иван пришпорил коня и помчался в поле. День был слав-

ный. В каждом уголке тех мест чувствовалось стремительно приближавшееся, дыхание жаркого лета. Какое раннее оно будет в этом году, думал Иван, глядя на зеленые необъятные долины. После полудня, он спустился к небольшому озеру, напоил коня и привязал его к дереву.

Подойдя к воде, Иван нашел, что она достаточно холодная, но после знойного дня ему хотелось освежиться. Он разделся и, оставив свои вещи на берегу, вошел в воду. Сделав глубокий вдох, он нырнул с головой и вынырнул почти на середине озера, испытав от прохладной воды наслаждение и тут же услышал залиvistый смех. Иван резко оглянулся и увидел на берегу Ёшку. Она сидела рядом с его вещами, а ее смех был таким заразительным, что Иван тоже улыбнулся, и поплыл к берегу.

– Ты что тут делаешь?

– Вот, пришла, чтобы искупаться, а тут ты.

– Ну так давай купаться вместе.

– Уже расхотелось. Пожалуй, пойду.

Ёшка встала и прихватила одежду Ивана с таким лицом, будто не делала ничего странного.

– Эй, эй, подожди, – смеясь, окликнул ее Иван, – это моя одежда.

– Это? – издевательски переспросила Ёшка.

– Да. Если ты ее унесешь, мне придется ехать домой голым, – с иронией произнес Иван. Он не знал, что делать, потому что ему казалось, что эта чертовка была способна на

все. И даже на это.

– Тебе нужна твоя одежда? – абсолютно спокойно переспросила она, делая вид, что ничего страшного не происходит.

– Нужна! – Иван кивнул и улыбнулся, стараясь скрыть волнение.

– Так подойди и возьми ее.

– Ёшка, я нагой.

– Вчера при всех меня обнимал, барин. Не стеснялся. Отчего сегодня так заробел?

– Прикажу выпороть тебя, – смеялся Иван.

– Тогда останешься без одежды, – она отвернулась и хотела уйти.

– Подожди, ты что вытворяешь?

– Нужна одежда, подойди и возьми ее, – повернувшись, ответила она.

– Ну, хорошо, – вздохнул Иван, – смотри, не пожалей об этом.

Подходя к берегу, он наблюдал за ее меняющимся выражением лица. Ёшка была уверена, что Иван не осмелится показаться ей. Но он был настроен решительно и наоборот, желал показать ей себя. Иван провел рукой по волосам, пригладив их назад. С мокрого лица стекали тонкие ручейки воды. Его сильное мускулистое тело напряглось, стали выделяться мышцы. Ёшка без стеснения смотрела на него и даже не старалась скрыть своего восторга. Иван вышел на берег и

встал прямо перед ней.

– Ну что ж, бери, – сунув одежду, сказала она.

– А зачем она мне теперь? – ответил Иван и откинул одежду в сторону. Ёшка испуганно взглянула в его глаза и вдруг рванулась назад, но Иван тут же поймал ее за руки и притянул к себе.

– Куда же ты, Ёшка?

– А ну, пусти.

Она рассмеялась, но продолжала вырываться из его рук.

– Не-ет. Как же так? Ты меня видела, а я тебя – нет?! – Иван попытался снять с нее рубашку, но она отчаянно сопротивлялась.

– Пусти!

– Я сказал тебе, пожалеешь.

– Ладно, ладно, хорошо, – вскрикнула она. Иван отпустил растрепанную девушку. Она встала напротив и откинула волосы назад. – Смотри.

Ёшка медленно оголила сначала одно плечо, потом другое. Взгляд Ивана спустился с ее глаз на плечи и продолжал спускаться вслед за рубашкой. В этот момент Ёшка, прошептала какие-то слова. Тогда Иван не обратил на них никакого внимания. Его вдруг потянуло к ней и это чувство росло. Он вспомнил их танец и по его телу пробежал холодок. Иван увидел, что коротенькая, рубашка – это все, что было на ней надето. Рубаха упала на землю. Вокруг ее длинных, стройных ног образовалось белое озерко, из которого Иван вынес

ее, взяв на руки. Сначала она подняла одну ногу и обняла его за талию, потом Иван приподнял ее за бедра. Обнимая его за плечи, Ёшка повисла у него на поясе. Иван жадно вдохнул запах ее тела, провел языком по шее и наслаждался теплом исходящим от нее.

– Какая же ты горячая!

– Мой огонь и сожжет меня, – прошептала Ёшка, – но я уже не смогу остановиться.

– Сейчас я тебя остужу немного.

Иван коварно улыбнулся. Ёшка вскинула на него испуганный взгляд и поняла, что он задумал.

– Вода холодная, – прошептала она.

Иван хотел поиграть с Ёшкой, заставить ее сожалеть о вольности с его одеждой. Он понес ее в воду и, войдя по пояс, отпустил. С ее губ сорвался тихий стон.

– В этом году первый раз барин, – произнесла она и тут же глубоко вдохнула и нырнула под воду.

Иван нырнул за ней, быстро нагнал ее под водой и подтянул к себе. Он освободил ее лицо от волос и поцеловал в губы. Ёшка жарко отвечала ему. Почувствовав, что им обоим не хватает воздуха, они вынырнули на поверхность. Иван тут же схватил ее голову руками и притянув к себе продолжал жадно целовать. Ему казалось, что если он выпустит ее из рук, она исчезнет, так как исчезала раньше.

– Плыви за мной, – шепнула Ёшка.

Она поплыла к большой развесистой иве неподалеку от

них. Ствол ее и ветки свисали над водой, казалось, она тянулась к озеру. Ёшка нырнула под ветки ивы. Иван нырнул за ней. Когда он вынырнул, то оказался словно в шалаше, созданном самой природой.

Он увидел Ёшку со спины. Она подняла руки вверх и, собрав мокрые волосы, перекинула их вперед, на плечо. Иван был удивлен. По всей ее изящной длинной спине, от самой шеи до поясничной впадины, была изображена татуировка в виде нескольких магических знаков, переплетающихся и дополняющих друг друга. Они заполняли всю спину.

– Что это у тебя?

Ёшка оглянулась. Ее черные глаза заблестели, она подошла к Ивану.

– Это? – она кивнула головой назад и улыбнулась, – моя свобода!

Ёшка нисколько не стеснялась. Подходила медленно, ступала тихо и мягко, словно кошка. Говорила приятным шепотом. Вмиг из задорной, веселой девушки она превратилась в страстную и прельщавшую женщину, которая не робела и не боялась его.

Она обошла Ивана сзади, обняла за плечи, впила в них ногти и оцарапала до крови. Иван тяжело выдохнул, но не препятствовал ей. Когда по его рукам просочились капельки крови, Ёшка стала что-то шептать и страстно целовать его спину.

– Я должна пустить твою кровь, – тяжело прошептала она,

– так ты откупишься.

– От кого? – на выдохе произнес Иван и прикрыл глаза от удовольствия.

– От тех, кто оберегает меня.

Иван уже привык к тому, что Ёшка говорила загадками, поэтому расспрашивать ее сейчас не стал. Он повернулся к ней, протянул руки, взял ее за голову и, притянув к себе, сорвал несколько коротких поцелуев.

– Ты сводишь меня с ума, – прошептал он, не выпуская ее головы.

– Это всего лишь страсть, – ответила она тихим шепотом и, покрывая его тело поцелуями, спустилась на колени.

Иван посмотрел на нее сверху. Когда она достигла его живота и продолжала спускаться ниже, он сделал несколько коротких вдохов, прикрыл глаза и запрокинув голову, со стоном выдохнул. Сердце глухо колотилось, дыхание участилось, губы обсохли. Он обнял руками ее голову, проник пальцами в густую капну волос, и отдернул ее от себя, желая посмотреть в ее лицо.

– А может, любовь? – задыхаясь, прошептал он.

Она вытерла влажные губы тыльной стороной ладони и тихим голосом сказала:

– Тогда люби меня.

Иван опустился, напирая на нее, и повалил на теплый травяной покров. Провел языком по ее губам, собрал оставшуюся влагу возле рта. Жадно вцепился в ее губы, снова сорвал

несколько коротких поцелуев, каждый раз стараясь глубже проникнуть в нее языком. Его руки заскользили по ее телу, ему хотелось изучать его. От жарких прикосновений Ёшка прогнулась под всей его нависшей тяжестью, и сладко простонала. Этот звук был настолько желанным для слуха Ивана, что он приподнялся на локти, чтобы видеть ее лицо.

– Хочу тебя, – прошептала она настолько тихо, что ее слова почти не было слышно.

Словно выполняя ее просьбу, он снова прильнул к ней всем своим телом. С силой прижал ее своими бедрами. Оба они сделали несколько коротких вдохов, дыша друг на друга почти в упор. Иван стал плавно двигаться, с каждым разом все сильнее и сильнее надвигаясь на нее. Он словно услышал голос своего тела, и это чувство было для него новым. Все, чего он желал, было обладать этой бестией. Вдыхать неповторимый запах ее кожи, волос. Целовать ее губы, ее сильное, гибкое тело. Он желал, чтобы вся она принадлежала только ему.

Через некоторое время они были уже на берегу, там, где Иван оставил своего коня и были разбросаны их вещи. Оба молчали. Ёшка нервно теребила в руках рубаху стараясь вывернуть ее. Иван, уже одетый, подошел к ней и привычно спокойно помог, при этом стараясь заглянуть в ее лицо, которое она прятала за волосами.

– Я отвезу тебя в деревню, – сказал Иван.

– Я не живу в деревне.

– А где?

– Да, здесь недалеко.

– Почему не в деревне?

– Бывшие хозяева изгнали еще мою бабу, с тех пор я живу отдельно, – гордо ответила она.

– От бывших хозяев здесь ничего не осталось. Хозяин здесь я! Я – граф. По-моему будет! Я разрешаю вам вернуться.

– Ты мне не хозяин, – усмехнулась Ёшка, – и мать моя не была крепостной, и я вольная.

– Нет? – усмехнулся Иван.

– Нет, – ответила Ёшка, – крепостной моя бабка была, а меня вам в работники не переписывали, так что я есть, а бумаг на меня нет.

Он отвязал коня и подошел вместе с ним к Ёшке. Ветер фыркал и не хотел идти, но как только Ёшка дотронулась до его морды, он затих.

– Эх, как присмирел! – удивился Иван, – раньше ни перед кем, кроме меня, не утихал так. Никому не покорялся, кроме меня, а тебе покорился, смотри-ка!?

– Красавец, тебе только верен, – восхищаясь красотой черного жеребца, произнесла Ёшка, – ни с кем не станет тебя делить.

Она гладила его морду и смотрела прямо в большие глаза. Ветер стоял, как вкопанный. Таким тихим Иван его никогда не видел.

– Что это значит?

– Неважно. Ты же мне все равно не веришь.

Ёшка отпустила коня и сделала шаг назад. Иван коснулся ее волос и убрал их за уши.

– Так значит, ты у нас вольная?

– Свободная, и ты мне не указ, – они разговаривали весело и оживленно, и каждый из них старался продемонстрировать свое превосходство другому.

– Указ, указ, еще какой указ! Вот найду твою избушку, спалю, а тебя к себе заберу.

– Зря ты так, Иван. Меня трогать нельзя!

Иван молча поцеловал Ёшку в губы и так же без слов отвернулся от нее и вскочил на коня.

– Это почему же? – не принимая ее слов всерьез, спросил он.

– Жизнь тебе еще расскажет!

Когда она подняла голову и взглянула на коня, Ветер вновь стал нервно плясать на месте. Иван пытался удерживать его за поводья и посмотрел на Ёшку.

– Это была ты! Ты, Ёшка! – вдруг произнес он, – той ночью у озера, – больше сомнений нет.

Ёшка улыбнулась.

– Ты тогда пропала так же неожиданно, как и появилась. И взгляд твой помню такой же, как сейчас. Только тогда мужики сказали, что гонят ведьму...

– У страха глаза велики.

– Чего же они испугались?

– Волков, может.

– У нас нет волков, – уверенно ответил Иван. – А ты почему убежала?

Ёшка смеялась своим красивым и властным смехом.

– И смех твой слышал. Во сне. Неужели ты и есть та самая ведьма, о которой все говорят? – сам себе не веря, произнес Иван с ужасом в голосе.

– Смотри на меня барин. Не видишь, какая я старая?

– Я никогда не видел тебя в церкви, – продолжал Иван, – ты лечишь людей, гадаешь молодым девицам, а? Ну, давай, погадай мне. Скажи, что меня ждет. Ну, – подначивал Иван.

Ёшка стихла.

– Чего ты молчишь? Скажи мне, зачем ты так легко, сейчас, отдала мне свою невинность? Надеялась на судьбу? Ты же ее видишь. Моя судьба – Данта, – говорил Иван. Его конь нервно перебирал ногами, а Иван все время старался примирить его.

– У тебя три судьбы, – ответила Ёшка.

– Зачем мне три?! – усмехнулся Иван, – мне нужна одна, единственная! И чтоб самая лучшая!

Ёшка с досадой улыбнулась.

– Не ищи лучшего, граф. Все самое лучшее – рядом с тобой!

Эти слова, как острый нож, вонзились в сердце Ивана. Он взглянул на Ёшку и ничего больше не смог ответить. Что есть

силы он пришпорил коня, громко прикрикивая – хей-хой-хой, и скрылся вдали.

Глава IV

– Я тебе не говорил? – Филипп стоял у большого зеркала, любуясь собой.

– Нет, – ответила Виктория.

Она изобразила улыбку. То, как важничал Филипп, забавляло ее. Он был так занят собой, что сбивался с мысли и недоговаривал.

– Да?! – совершенно серьезно возмутился Филипп, – как это я пропустил такое.

– Какое?

– На, на, на, – пропел он какую-то мелодию и, наконец-то, повернулся к Виктории, – Я хорош, не правда ли?

– Ты прекрасен настолько же, насколько ужасен, Филипп, – ответила Виктория.

– Ну почему же дорогая?

Он подошел к Виктории и встал перед ней на одно колено, – я не перед одной женщиной не вставал на колени, а перед тобой стою. Ну разве это не прекрасно? – взяв ее за руку, серьезно спросил Филипп.

– Ты встал всего лишь на одно колено, ну разве это не ужасно? – ответила Виктория и оттолкнула его руки. Филипп оскорбленно опустил голову.

– Почему ты всегда пытаешься унижить меня?

– Вовсе нет, милый, – Виктория издевательски улыбну-

лась и провела рукой по его голове.

– Ты меня ненавидишь?

– Люблю, – посмеиваясь, шепнула Виктория.

– Ненавидишь, – с сожалением и горечью произнес Филипп, прекрасно это сознавая.

– После того, что ты сделал и продолжаешь делать, ты смел надеяться на что-то еще?

– Ты жестока.

– А ты болен.

– Твоя любовь могла бы меня исцелить.

– Боюсь у меня не найдется столько любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.